

ИЗГОИ РЮРИКОВА РОДА

ТАТЬЯНА
БЕСПАЛОВА

Исторические
Приключения

Исторические приключения (Вече)

Татьяна Беспалова

Изгои Рюрикова рода

«ВЕЧЕ»

2016

Беспалова Т. О.

Изгой Рюрикова рода / Т. О. Беспалова — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Исторические приключения (Вече))

ISBN 978-5-4444-8460-9

Длинен путь героев-богатырей. Берёт он начало в землях русских, тянется через степи половецкие до Тмутаракани, а затем по морю пролегает — до самого Царьграда, где живёт Елена Прекрасная. Много трудностей придётся преодолеть по дороге к ней. И ещё не известно, кому из богатырей она достанется. Это ведь не сказка, а почти быль, поэтому возможно всякое — подвергается испытанию не только сила богатырская, но и прочность давней дружбы, прочность клятв и вера в людей. Даже вера в Бога подвергнется испытанию — уж слишком точны предсказания волхвов, христианского Бога отвергающих, а сам Бог молчит и только шлёт всё новые беды на головы героев-богатырей.

ISBN 978-5-4444-8460-9

© Беспалова Т. О., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Татьяна Беспалова

Изгои Рюрикова рода

© Беспалова Т.О., 2016

© ООО «Издательство „Вече“», 2016

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

С благодарностью профессору С.В. Алексееву

*...Я не могу, хоть прикажи,
Проблему разрешить такую:
Хочу для будущего жить,
А сам прошедшее смакую.
Глаза прикрою, мнится мне
Не взлет ракет, не шаг к Победе, —
На златогривом скакуне
По полю битвы Рыцарь едет.
Друзей погибших кличет он,
Нецусный меч бросает в ножны.
Но только карканье ворон
И только шорох осторожный...*

А. Зиновьев

Часть первая

Гусь шипел, вытягивая шею, топорщил сизые крылья, наступал решительно, косил дьявольским глазом в сторону сумы. Там, завернутый в чистое рядно, хранился каравай и несколько вялых репок.

Илья давал птице подойти поближе и тянул загорелую руку к гладко оструганной лесине. Тогда птица отступала к кустам, издавая раздражённый шип.

– А птица-то не дура... – лениво проговорил Володарь. – Смотри-ка, Илюша! Ведь знает, что такое палка. Опасается.

– Разве из лука стрельнуть в тварь? – предложил Илюша. – Который час братаники гоняют по леску кабанчика – и всё попусту. А я уж трёх плотвичек изловил! Если к ним ещё гуся добавить! М-м...

Отрок, лукаво улыбаясь, глянул на князя. Гусь между тем, не складывая крыл, но, прекратив шип, стал заходить с другой стороны, от речки. Там, на покрытом изумрудной травкой бережку Днепра стоял плетёный кузовок. В нём на росной, травяной подстилке рыпалась, засыпая, мелкая рыбёшка. Утренние лучи играли на её серебристой чешуе. Рыба – не гусяная пища, но вредная птица, видать, решила не подпускать Илюшку к улову, раз уж ей не угодили.

– Отойди ж ты, тварь! Ишь, Гусята Гусакович! Присвоить мой улов налачился! – Илюша схватил-таки палку, но гусь взмахнул крылами, неуклюже подпрыгнул раз, другой, поднялся в воздух, пролетел по-над гладью Днепра и скрылся за зарослями камыша.

Всадники вынеслись из лесочка. Возпревшие, вполпьяна, весёлые: Момырь, Клещ, Мышата, Пафнутий Желя – все были здесь, и сам князь Давыд Игоревич между прочих. Широкий, плотный в медвежьей шапке и богато расшитой, синей шёлковой рубахе – князь больше походил на тороватого купчину, нежели на бежавшего из-под надзора пленника. На плетёной пеньковой сети, на воздушных Клещ и Мышата волокли тушу упитанного кабанчика, оставляя на влажной траве кровавый след. Рыжая сука по кличке Мамайка, большая, остроухая с широкой седой мордой – верная спутница князя Давыда – помахивая драным хвостом, бежала впереди.

Жемчуг вскинулся, почуяв кровь, оскалил пасть. Ах, что за конь! Чистый волк: мохнатый, свирепый, выносливый, бесстрашный. Князь Володарь вскочил на ноги, ухватил коня за уздечку, возложил ладонь на широкую морду товарища, проговорил со всегдашней своей лукавой усмешкой:

– Не лютуй, зверь. Иль не видишь – свои это, свои...

Но не на всадников, товарищей Володаря, скалился Жемчуг. Следом за ватагой из леса вышли скорой поступью двое мирян. По виду не смерды, не вояки, не разбойного племени люди и уж тем более не монахи. Головы и плечи пришельцев покрывали драные плащи, надетые поверх длинных, до пят, рубах из грубой холстины. На одном из путников, на том, что постарше, была сплетённая из лыка, ветхая обувь, другой же оказался и вовсе бос.

Когда же затих топот копыт, гики и свист, Володарь услышал мелодичный перезвон. Пояса обоих путников были увешаны колокольцами, на шеях болтались сатанинские амулеты. Зоркий взгляд князя приметил искусно вырезанные, оскаленные морды чудных зверей на тяжёлых кованых цепях, бусы из разноцветных камней, бубенцы, гривны.

– Ишь ты! Будто девицы, монистами увешаны, – пробормотал Володарь. – А рожи-то! А бороды!

Длинные волосы и бороды обоих странников были обильно усеяны колтунами, репьями и зелёными семечками полевых трав.

– Проклятые язычники, – Илюша брезгливо сплюнул. – Нешто Сварог¹ запрещает своим служителям бороды чесать?

Но скоро, увлечённый рассказами товарищей о превратностях удачной охоты, князь Володарь и думать забыл о странных путниках. Дружинники подкормили костерок валежиной, опалили тушу, наточили тесаки. Князь Давыд гарцевал вокруг стойбища, выгуливая своего чернющего рысака греческих кровей. Хорош конь у Давыда Игоревича, лёгок на ногу, прыток, но, на взгляд Володаря, слишком уж хрупок. Коренастое тело Давыда глядится в седле неуместно, словно не всадник на коня воссел, а какой-то мастер на все руки водрузил на богато разукрашенное седло пивной бочонок. Впрочем, князь Давыд держался в седле ловко, славился отвагой и выносливостью.

Между тем странные путники приблизились к становищу князей и, не дожидаясь приглашения, расселись возле костра. Князь Володарь в изумлении наблюдал, как младший из них извлекает из-под оставленного на время Давыдова плаща непочатый мех с мёдом, как откупоривает его и, не утруждаясь поиском подходящей посуды, хлещет питье прямо из горлышка. Мех тяжёленек, где хлипкому волхвёнку удержать эдакую тяжесть! Разумеется, большая часть драгоценного напитка без толку пролилась на его и без того нечистую рубаху. А старший-то – тоже не дурак! Вырвал из рук младшего мех, а в очах-то нетрезвое озлобление! А на устах-то похабнейшая брань!

– Кто такие?! – рявкнул Володарь. – Эй, Илюша! Подай-ка моё копьё!

И Давыд, и дружинники воззрились на незваных гостей. Клещ пробормотал досадливо насчёт лесных бродяг, в корнях деревьев ночующих да по пещеркам зимующих, нищих и завшивленных. Пафнутий Желя забранился, а предусмотрительный Илюша отнял у незваных пришельцев мех.

– Я – Возгарь! ик... – старший из путников отложил мех, поднялся, выкатил грудь колесом, выпятил тощее пузо, опираясь на гладко отполированный дубовый посох. – А это... ик... ик... ик...

– Вдарить меж лопаток или медку налить? – с наигранной услужливостью предложил Илюша.

– ...это Борщ! – собравшись наконец с духом гаркнул Возгарь. – Отрок! ик... ученик мой!

– Волхованием греховным занимаетесь? – спросил Давыд.

Предводитель охотников уже сошёл с седла и уселся на поваленную лесину, поближе к костру. Разумная Мамайка пристроилась возле его ног. Клещ и Мышата уж освежевали кабанчика, а Илюша уж насадил его на ту самую жердь, которой совсем недавно гонял гусака.

– Мы мирные гадатели, – проблеял Борщ. – Ходим по селениям, предвещаем, предсказываем, врачуем. Учителю моему мно-о-огое открывается!

– Скотине животы вспарываете? – недружелюбно осведомился Давыд. – Сварогу поклоняетесь? Ишь, амулеты-то на вас звериные. А что за черепа? Нешто нетопырь? А косточки, что в ожерельях бренчат? Слепых кротов, тварей подземных, истязали, на косточки делили?

– Гадаем по внутренностям убитых... ик... козлиц... – подтвердил ученик волхва.

– Намять, разве, бока колдунам? – предложил Пафнутий Желя. – Как прикажешь, Давыд Игоревич?

– Лучше бороды им пощипать, – вставил своё Момырь. – Приказывай, княже!

Гусак налетел, подобно ворону. Свист крыльев, клёкот, лай Мамайки, пух-перо летит по ветру. Отважная птица исхлестала Пафнутия крыльями по бородатой роже, а Момыря клюнула в башку. И поделом! Нечего среди бела дня в чужих, небезопасных краях без шапки-то ходить!

¹ Сварог – в верованиях древних славян бог неба.

Володарь изловчился, ухватил гусака за хвост. Гусак забил крыльями, зареготал пуще прежнего, изогнул шею, ущипнул князя за плечо, рванулся да и вырвался, оставив в руке Володаря пук серо-белых перьев.

– Сие священный гусак Возгаря! Звать его Аврилох, – провозгласил младший волхв. Пьяный гнев покрыл его щеки нехорошим багрянцем. – Если ты, князь, кинешь перья в костер, то умудрённый Сварогом Возгарь скажет тебе твою судьбу... ик... а может, не твою... ик... А ты мёду-то налей, холоп. Жажда – злейшая врагиня любого путника, который...

– Эк, трещит, распяная рожа! – ухмыльнулся Момырь.

– Брось пёрышки в костёр – и узнаешь сокровенное! – подтвердил Возгарь.

– Не стану! – хмыкнул Володарь. – Не хочу мерзкую вонь паленого пера нюхать!

– Не подлить ли медку, дедуля? – весело предложил Илюша. – Испей, и скотский бог покажет тебе картины минувшего и будущего. Да без возжигания пера покажет!

– Эй, Борщ! Воскури! – возопил старик.

И помощник его полез в суму, достал оттуда причудливо расшитый мешочек, из мешочка разновеликие цветные палочки извлек, одну из них – оранжевую, тонкую – в ладонях искрошил да и бросил крошево в костер. Полымя пошло ввысь лиловыми языками. Дымный смрад сменился чудным благовонием, словно не на берегу сонной речки честная компания обрета-лась, а на склоне южной горы, на поросшем росной лавандой лугу. Осторожный Илюшка прянул в сторону. Жемчуг затряс головой, зыркнул на ученика чародея недобрым глазом, копытом оземь стукнул, потянул ноздрями.

Возгарь заплясал-закружился вокруг синего пламени. Забрал у Володаря гусиные перья, кинул их в огонь. Володарь поморщился. Добрая братия закашляла, заругалась на волхва, а тот знай себе куролесил возле костра. Речи его казались невнятными, и взгляд его помутился, а лицо исказилось мукой. А Борщ тем временем бегал вокруг становища. Заплетались его ноги, тряслась его бородёнка, брякали колокольцы на его тощей шее. Падая, поднимаясь да неистово ругаясь, ловил ученик волхва гогочущую птицу и изловил-таки.

– Княже Володарь, сын гонимого странника, сам гоним, словно сухая трава в степях при-морских буйным ветром... – выл Возгарь. – Вечный бой – твоя судьба на долгие годы, прежде чем дарован будет тебе удел достойный... а Василий, твой брат, будет товарищем ослеплён, но не убит... не убит...

– Тебе известно, кто я? – поморщился Володарь. – Нешто и Василька, брата моего встре-чал?

– ...ослеплён будет Василий, брат твой. Бродягою беспутным, алчным и блудолюбивым, Давыдом именуемым...² – словно не слыша его, продолжал бормотать волхв. Он раскинул на стороны руки, его просторные, ветхие одежды полоскал внезапно налетевший порыв холодного ветра. Пламя костра трещало и металось, постепенно приобретая обычный цвет.

– Блядословит³, никудышный, – хмуро проговорил Давыд.

Волхв пал на колени, тяжело опёрся на посох, склонил голову, свесил седые космы до земли. Молодой его помощник, опасливо посматривал на вояк, прижимая к груди притихшего гусака. Напуганная птица сунула голову Борщу под плащ, затихла.

Бузу начал Жемчуг. Повинуясь порывистому своему нраву, он вскинулся на дыбки, взмахнул мышастой гривой, будто стягом. Злобное его ржание было подобно львиному рыку. Словно былинку, скovyрнул конь оторопевшего Борща да и покатил, пиная копытами, в сто-рону реки.

² Возгарь сказал чистую правду. Василько Ростиславич действительно был ослеплен Давыдом Игоревичем.

³ В те времена основным значением слова «блядь» было «обманщик», «язычник», «плут». Блядословием называлась речь язычников.

– Бей нехристей! – возрычал Пафнутий Желя. – Нешто станем слушать, как противники православной веры порочат наших князей? Бей волхвов, ребяташки!

И Пафнутий достал из голенища плеть. Ох, и били же ребяташки волхвов, и словесно поносили, и пинал-то их Жемчуг, и кусала их за пятки Мамайка.

Аврилох, заполошно гогоча, топтался неподалеку, тянул шею, пощёлкивал жёлтым клювом. Чародейский гусак в схватку не вступал, но и не улетал. Птица наблюдала за трудами Илюши. А княжий отрок с костра глаз не спускал, за кабанчиком следил, чтобы сладкое мясо не пригорело, чтобы огонь под ним не и не угасал, но и не поднимался высоко.

Долго изголялись над волхвами княжеские дружинники, но телá не сильно повредили. По-настоящему озлобиться помешал бесподобный аромат жареной кабанятины.

Ребяташки побросали плети и дреколье, едва заслышав Илюшино «Мясо сготовилось!». Потом жадно ели кровоточащее мясо, закусывали лучком и репкой, опустошили мех с мёдом, залили всё свежей родниковой водицей, да и улеглись на отдых в тени деревьев.

– Послушай, брат! – тихо проговорил Володарь, усаживаясь на бревно рядом с Давыдом. – Негоже бросать никчёмных бродяг на берегу Днепра. До Переславля уже далеко, а до моря – ещё дальше. Помнишь ли, как вчера ввечеру слышали мы за рекой топот многих копыт? Там табуны, там кочевье. Прикажи Пафнутию их на заводных коней посадить. Пусть грязны они, пусть безбожники! Не станем русичей на поживу половцам оставлять. Слышал я, половцы русским пленникам пятки режут и в раны конский волос сыпят, чтоб не убежали.

Давыд Игоревич, старший из двоих князей, в сытой истоме рассматривал их небольшой стреноженный табун.

– Истинно говоришь, Володарь Ростиславич! У каждого из нас по два коня, да ещё под выюками четыре животины. Посадим бродяг на коней. Может ведь статься и так: поможет нам пьяный Возгарь с ханом Кочкой договориться. Эх, друже! Наша главная задача – добыть казну, нанять дружину. Я для этого не то что волховать – грабить на большой дороге стану. Назад, в Киев, ко Всеволоду-мучителю⁴ нам пути нет!

* * *

– Кто такие? – спросил стражник. – Не видишь разве препону поперёк пути? Отвечай на вопрос, пошлину плати. Мы препону уберём, если твой ответ достойным будет, а монета – полновесной!

В отменном панцире из воловьей кожи со стальными оплечьями, в высоком островерхом шлеме с сетчатой бармицей, препоясанный коротким мечом – он преградил им вход в город. Так и стал в воротах: опёрся на короткое копьёцо, бороду выпятил, глаза вытаращил. Наиважнейший из человек! На обочине дороги его товарищи толпятся. Тоже хорошо вооружены, сыты, веселы, скалятся, караван придирчиво оглядывают.

– Три десятка конных лучников, дюжина копейщиков, выучных коняг полсотни, не меньше, – принялся перечислять один из стражников. – Да кибитки, да повозки, да телеги. Тягло хорошее, вола сытые... Новгородцы?

– Ишь, всё добро хозяйское пересчитал! – недовольно отозвался Каменюка, останавливая своего гнедого. – Грамотей! У себя в мотне считай, не досчитаешься!

– Ответь ему, Никодим! – Твердыта, восседавший на жеребце Колосе золотистой масти, остановился рядом с Никодимом Каменюкой, выступавшим, как обычно, в голове каравана. – Ответь служивому, друже!

– Да я и отвечаю! – отозвался Никодим. – Говорю ему, дескать, сам Демьян Твердыта к воротам города Чернигова прибыл. Сам Демьян Твердыта караван ведёт. И его дружина при

---

⁴ Всеволод Ярославич в 1081 году – князь Киевский.

нём. Всё верные товарищи, всё люди трезвые, надежные, всё друзья верные черниговского князя Володимера Всеволодовича! А он, ты сам смотри, древком в грудь коня тычет. Пошлины домогается, упырь!

Твердята оглядел ворота, ров, перекидной мост на толстых цепях. Городок Чернигов высокой стеной обнесён. Так и стоит частокол от одной башенки до другой. А башни белокаменные, а на башнях стрелки – готовые к бою ратники. Солнышко из-за облачка как выглянет, так непременно лучиком своим высокий шелом да иогреет.

– Кого больше ждёте? – усмехнулся Твердята. – Из степных кочевий гостей или Рюрикова рода блудных потомков?

– Ишь, любопытный! Сразу видно – новгородец! Плати монету, раз с добром пришёл, – огрызнулся старшина превратной стражи. – Да ступай до гостиного двора. Солнце клонится на закат!

Он указал наверху копьёца в сторону недалекого леса.

– Как сокроется Ярило за вершинами дерев – мы ворота затворим до рассвета. Ни веселья тут никакого, ни смеха. Между лесом и степью стая волколаков шастает. Людей жрут почему зря. Или не слыхал? Или не боишься? За щитами дружинников надеешься укрыться, купец? Или не пуганый?

– Отправь в княжеский терем верхового, сотник, – примирительно молвил Твердята. – Добрую весть передай о прибытии лучшего друга, новгородского купца – Демьяна Твердяты! Меня!

Чудный конь золотистой масти заиграл под седоком. Зазвенели серебристые стремяна, засверкали чеканные гривны на узде.

– Не бузи, Колос! Не бедокурь! Или испугался страшных рассказней черниговского дядьки? – Твердята захохотал, обнажая жемчужные зубы. Твёрдой рукой укротил коня, склонился с седла к стражнику, вложил в обшитую железными пластинами рукавицу несколько увесистых монет.

– А вот и пошлина тебе, сотник!

– Да не сотник я!

– Не сотник? – Твердята снова засмеялся. – Ну, коли так, то непременно им станешь. Отважен будь в боях! Храбр будь!

Последние слова новгородского купца канули в топоте копыт. Золотистый конь, жар-птицей перемахнув через препон, унес всадника за городскую стену. Стражники отвалили в сторону жердину, преграждавшую въезд в город. Каменюка тронул коня, и караван, поскрипывая колёсами, позванивая сбруей, взмывая рогатым тяглом, потянулся вослед ему за городские стены.

* * *

Хорош городок Чернигов! Раскидистые кроны лип бросают тень на дерновые кровли нарядных белёных домишек. А домишки понатыканы тут и там – как бог на душу положит – и каждый обнесён оградкой. Под оградами колосится травка, за оградами курочки кудахчут, да всхрюкивают поросята. Меж оградами протоптаны стёжки-дорожки, которые, словно ручейки, сбегают к подножию холма, к городским воротам. Хорош городок Чернигов, но Новгород лучше. В Новгороде улицы мощёные, а в Чернигове по летней сухости пыль под ногами. А если дождь выпадет? Оно и хорошо. Пыль прибьёт. Станет легче дышать и доброму мирянину, и человеку духовного звания. А если дождик надолго зарядит, превратится тогда чёрная черниговская земля в вязкую топь, густую, липучую. Станут кони по стремяна в той грязюке вязнуть. Хоть шагай, хоть плыви: всё одно – топь. Нет, Новгород лучше Чернигова. На Новгороде и питейные заведения приличней, и народ в них трезвее, не валится снопами под ноги

проезжим, а тихо засыпает на лавке или на печи. А если кто по пьяни надумает бузить или под забором нечаянно заснёт, того городская стража подберёт, и посадник в пример прочим накажет по закону. Да и кормёж в новгородских корчмах получше. В Масленицу над крышами витает блинный дух, а летом ароматы ягодных квасов. А тут, в Чернигове, из дверей корчмы несёт прелой капустой, подгнившими рыбьими потрохами. Нечистотами смердит за версту. Вопли, брэнчание, брань. И всё это в виду храмовых куполов. Твердыта придержал коня у дверей корчмы, всматриваясь в распахнутую дверь. Нет, не станет Демьян Твердыта в этой смрадной дыре искать ночлега, попытает счастья в княжеских палатах. Вдруг да князь Черниговский Владимир Всеволодович встретит попросту старого товарища? Вдруг да не позабыл их юношескую дружбу, совместные хождения по Днепру, да на Волынь? Эх, давно развела их судьба! Много пережито за годы разлуки. Ныне вышел князь Владимир из отроческих лет, посажен отцом на черниговский стол. Много ратных побед за ним числится. Стал ли гордым? Сделался ли заносчивым? Заразился ли родовым коварством князей Рюрикова рода?

Незнакомца вынесло из дверей корчмы и бросило в серую пыль, под ноги коню Колосу. Умный конь и глазом не моргнул, лишь уши насторожил да слегка присел на задние ноги, точно раздумывая: перескочить ли через внезапное препятствие или постоять на месте, подождать, что дальше будет. Всадник его натянул повод. Велит ждать. Так и быть по сему! Колос замер, раздувая ноздри. Конь и его всадник с изумлением посматривали на распростёртое перед ними тело.

– Жив ли, милый человек? – усмехнулся Твердыта.

– Уууу... – был ответ.

Демьян склонился с седла, ткнул резной рукояткой хлыстика в спину лежащего перед ним человека.

– Святой человек это, – проговорила прохожая торговка.

В высокой кичке и расписном платке она шла по черниговской улочке, неся на локте большое лукошко, полное живыми раками. Баба обошла сторонкой смиренного Колоса, перешагнула через распростёртого на земле человека, покачала головой:

– Не тронь его, боярин, не обидь! Это княжий родич, непутёвый Миронег.

Так сказала она и быстро ушла, скрылась за углом дощатой ограды. А Твердыта спешился, зашёл в корчму, спросил у человека ковш воды. Человек, невысокий, рыхлый, бабьего вида, поначалу заговорил грубо, но разглядев на Твердыте пояс, набранный из чеканных вызолоченных пластин, а на поясе ножны самоцветными камнями изукрашенные, подобрел, смахнул со столешницы пыль, предложил хлеб-соль и стойло для коня.

– Воды! – рявкнул Твердыта и тотчас получил требуемое.

Твердыта черпал воду из ведра и лил её на псивый затылок княжьего родича.

– Смотри не простуди его преподобие, боярин, – бормотал кабацкий служитель. – Это есть Миронег. Всему Чернигову известный человек. Ученый, трезвый, разумный! Переверни-тка его на спину. Вот так! Теперь на морду ему лей. Авось очнётся.

Кабацкий служитель оказался прав. Миронег и вправду очнулся, стоило лишь холодной водице оросить его щеки.

– Пагубная слабость ниспровергла тело моё наземь, – молвил черниговский корифей, утирая бороду рукавом. – Не займёшь ли князьему родичу деньгу? Выпил я три ковша зелена вина, соснул, а теперь чую – мало мне. Чую – душа добавки требует...

Демьян рассматривал княжеского родича: неказист, плешив, курнос и конопат. Рыжеватая бородёнка побита сединой, одежка грязновата, во рту половины зубов не хватает. Однако за воротом линялой сорочки Твердыта заметил образок Спаса Нерукотворного. Лик исполнен мастерски и навешен на цепь особой, изящной ковки. Словно угадав мысли Твердыты, Миронег тихо проговорил:

– Не принимай во внимание мой неряшливый вид. По сути – я человек многих дарований. Жизнь веду на черниговском посаде приличную, почти праведную. Ко княжескому столу допущен бываю...

– Вот и я желаю до княжьего стола добраться, – проговорил Твердыта. – Новгородский купец я, Демьян Твердыта. Князя вашего добрый знакомец и старый товарищ.

– Так ступай налево! – Миронег приподнялся, махнул рукой в сторону, туда, где возле цветных луковиц храма посреди большой площади виднелись крутые, увенчанные петухами крыши княжеского подворья.

Твердыта оглянулся назад. Там, вздымая серую пыль, двигались волы, шуршали по мелкому камню обода тележных колёс. Тяжело гружённые повозки въезжали на постоянный двор. Волы, чуя скорый отдых, оглашали округу голодным рёвом. Жители Чернигова стояли по обочинам дороги, рассматривая пришельцев. Твердыта направил коня в сторону княжеского подворья.

* * *

Объятия его оказались всё так же крепки, всё так же пахло от него конским потом и свежеиспечённым хлебом.

– Так и живёшь в седле? Так и кочуешь с дружиной от войны к войне? – Твердыта отступил на шаг, оглядел давнего товарища. – Вот, явился к тебе, лба не перекрестив, рук не омыв, прямо с дороги.

– Дивуюсь на тебя, Твердыта, и никак не возьму в толк. То ли вырос ты вверх, то ливширь раздался, – отозвался князь Владимир. – То ли шапка твоя соболя стала не по голове. Нешто выросла голова-то? Сколько вёсен минуло с нашей последней встречи? Помнишь ли наше житьё на Киеве? Помнишь ли походы на Волынь? Эх, отроками мы были тогда. Юные совсем, а ныне... Я слышал, ты жену схоронил. Правда ли?

Баба подала тёплую воду и чистое рядно. Поливая гостя на руки, поглядывала ласково, пряча улыбку. Князь Черниговский Владимир Всеволодович Мономах смотрел на гостя исподлобья, внимательно, придиричиво. Твердыта таким его и помнил смолodu: замкнутым, недоверчивым. Бывало в прежние времена слова от него не добьёшься. А ныне? Говорит! По горнице расхаживает, смотрит пронзительно, словно ждал встречи с давним знакомцем и надобу важную до Твердыты имеет. Неужто обрадовался?

– То правда, – подтвердил Твердыта. – И схоронил, и горе слезами омыл. А теперь снова жениться намерен.

– И о том слышал, и о делах твоих торговых в Царьграде. Эх, Дёма! Борзый ты молодец! Расскажам о твоих походах не устаём дивиться. Зачем об этом сказители на пирах не поют? То на Волыни ты, то в приднепровских степях. То в Царьграде, а то и вовсе пропал. Ан нет! Глядь – ты снова на Руси! Куда теперь путь держишь, Твердытушка?

– К наречённой невесте, в Царьград, – просто ответил купец. – Да, наверное, уж и останусь там. Немолод я, на четвёртый десяток года перевалили. Сам видишь – борода забелилась, а всё один.

– Хорош ли Царьград?

– Прекрасен!

– А я смотрю – ты мечом перепоясан. Неужто оставил, забыл любимый свой молот? В прежние времена отец любил вспоминать о чудном твоём оружии, о том, как ты одним ударом колья на полтора локтя в землю заколачивал...

Князь Владимир оживился, глаза его озорно блеснули.

– А помнишь, как ты батькин шалом одним ударом расплющил? Помнишь, как секли тебя потом за это?

– Помню. Как не помнить! Долго потом спина-то саднила!

Долго Владимир Всеволодович слушал рассказ купца о странствиях по чужим землям, по горько-солёной воде – бурной и опасной, с трёх сторон окружённой берегами византийских земель, о прекрасных садах Царьграда, о золотом писанных ликах Святой Софии. Демьян и рассказывал, и по сторонам посматривал. Велика горница княжеского терема. Высоки потолки, да оконца узки. Закатное солнце ещё плескало кровавые отсветы на шелкотканые ковры, а из углов уже сочились сумерки. Тихий отрок принёс огня, зажёл лучины в кованых подставках. Угрюмая прислужница в тёмном платке подала еду: жареных перепёлок, хлеб, мёд, квас. Демьян приметил: князь, как и в стародавние времена, ест помалу, пьёт ещё меньше, молчалив и к присутствию сотрапезников не привык.

– Разве ты вечераешь один? – осторожно спросил Твердята.

– Устал... мрачно, беспокойно мне, горестно... – тихо отозвался князь. – Одна забота за другой не отставляют мне досуга для добрых мыслей и дел, милых для души. Кругом одна война! Одна забота за другой! Зимой, в лютый мороз, по степям таскались. И в стужу нет покоя от степняков. Весна пришла – новую напасть принесла.

– Что так встревожило тебя, князь Владимир?

– Получаю плохие вести от отца, – Владимир пояснял без охоты. – Князь Всеволод в тревоге. Устье Днепра перекрыто. Хан Угой озорует в низовьях, не даёт торговым людям вывести корабли в Понт⁵, и ты по Днепру не ходи, брат! Эта дверь в Царьград пока закрыта для нас.

– Искусство входить в любые двери, в том числе и в накрепко закрытые, приносит немалый достаток, – усмехнулся Твердята. – Жажду я, светлый княже, снова испытать счастье – выйти на днепровский простор, пройти по плавням! Эх, отпереть бы ту «дверку»! Погонять бы поганого кубарем по степи! Да недосуг. Много у меня товара. Не доставлю в Царьград – многим именитым новгородцам должен останусь...

– ...отец покоя мне не даёт. Шлёт гонца за гонцом, – будто не слыша его, продолжал князь Владимир. – Отслужили молебн. Но ответа нет как нет. Надо вести войско к степным границам, к южным рубежам Переславльского княжества.

– Что же, князь Всеволод ждёт набега со стороны степи? – купец старался казаться беспечным. – Разве киевскому князю не пристало воевать с ханами? Разве не одерживал он в прежние годы побед над степняками?

– Тут дело в другом... – князь Владимир жестом выпроводил из горницы челядь и продолжил: – Тут дело в твоём волынском побратиме, Демьян.

– Володька? – Твердята усмехнулся. – Помнится, в бытность мою на Волыни княжич Владимир был непутёвым отроком. Смел слишком, беспечен. Но подлым предателем он стать не мог. Что натворил Володька?

– Я получил от отца весть. Твой побратим снастался с Давыдкой, покойного князя Игоря сынком...

– Помню князь-Давыда... – проговорил Твердята. – Помню на Волыни...

– Давыдка – недалёкий сребролюбец, – лицо черниговского князя скривилось. – Коварный, жадный человек! Опасный!

– Оставь, друже! – Твердята осторожно опустил ладонь Владимиру на плечо. – Зачем так страдать? На что тебе дался Давыдка-сирота?

– Оба жили под надзором дядьки Ярополка, Волынского князя. Оба по весне сбежали. Сбежали подло, пролив кровь сородичей, обманом умыкнув имущество! Где добыли казну? Как смогли утечь? Куда подались?

---

⁵ Понт – Чёрное море.

Князь Владимир заложил крупную ладонь за ворот расшитой шелками свитки. Он мерил горницу тяжёлыми, широкими шагами непривычного в пешей ходьбе человека. Правая ладонь его сжималась, вспоминая рукоять любимого клинка.

– Я так думаю: побежали оба не к литвинам и не к ляхам, – продолжал князь. – А побежали они в степь, ханов баламутить, к новым походам подбивать. Но куда направят бег коней князя без уделов? На чьё имущество покусятся? Ныне отец шлёт меня в полоцкие земли, стать на степных рубежах, ждать набега, если Давыдка и Володарь сумели ханов к набегу подговорить. Не по их ли наущению устье Днепра перекрыли? Если ты намерен к морю по реке сплавляться...

– Нет, князь. Я пойду длинным путем. У меня дела с тмутараканьскими купцами. Там обменяю меха на золото, погружусь на суда – и в Царьград...

– Опасная затея, – князь с сомнением глянул на купца. – Шастает по степи народ разный, до чужого добра жадный. Не ровён час – пограбят или, хуже того, отправят к праотцам...

– Я с дружиной иду, и воевода мой, дядька Каменюка, в половецком плену живал, из плена бежал. Повадки степняков знает. Бог даст, дойдём до Переславля, а там...

– Черниговское войско идёт к Переславлю...

– Значит, по пути нам, друже! – обрадовался Твердыта. – Едва ступив за стену, услышал я недобрые слухи. Да если верить в рассказы, то лучше вовсе с полатей не слезать! Эх, мне бы только до Тмутаракани добраться! Я должен товар на суда погрузить, а уж там...

– Мне донесли – богат твой караван, – тихо проговорил князь. – Разжился, купец, в дальних странствиях. Заматерел. И невеста-то, наверное, знатного рода?

– Моя Елена – дочь Фомы Агаллиана, владельца многих виноградников и пашен в северном Египте. Фома родовит, окружён большим семейством. Он жаден, как венецианский жид. Требует от меня богатых даров. И он их получит. Моя Елена того стоит. Она... она...

Князь Владимир, казалось, оживился, глаза блеснули неподдельным интересом.

– Что, красива дочь патрикия? – улыбнулся князь.

– Не только красива, – вздохнул Твердыта. – Но и добра, и набожна, и образованна. Порой мечтаю о ней, и как начнет смущать меня лукавый, шепчет речи возмутительные, дескать, не достоин ты, Демьян, такого счастья. Не уместна для тебя столь светлая доброта. И тоска меня настигает, и бежать хочется из всех сил в Царьград, к Елене. Скорей! Скорей!

– Елена, Елена... – раздумчиво повторял Владимир Всеволодович, словно смакуя имя Твердытовой невесты. – ...Царьград, олигархия... Надеешься избежать грабежа... Эх, мало нам степняков с их быстрыми конями и арканами, мало нам набегов безудельных сородичей. Ан тут ещё новая напасть объявилась! Худшие бандиты! Язычники, людоеды!

– О чем ты, княже! У страха глаза велики! Да и не к лицу тебе бояться!

– Не к лицу, друже? – князь сник, словно утомил его собственный гнев. – Я поеду на север, к сельцу Соловейкино, с большой дружиной. Там в прошлую седмицу стая волколаков всё село вырезала, а дьяка моего на кол посадили. Надо разобраться что к чему. Там места неровные: всё лога да овражки. Надо всё обыскать, нечистую силу из нор на свет белый извлечь и наказать. А с тобой к переславльским рубежам отправлю малую дружину – сотню копей с воеводою моим Дорофеем. Рекой плыть несподручно. На восход от Переславля неспокойно. Мне донесли: хан Кочка со своей ордой идёт к Ворксле с юго-востока. Надо на закатном берегу реки стать и половцев к городку Воиню не подпустить. Сам же догоню вас позже, когда из черниговских лесов кровожадную нечисть выкурю.

– Быть по сему! – Твердыта поднялся со скамьи, отвесил хозяину поясной поклон. – Княгине привет от меня передавай и пожелание...

– погоди, друже! – черниговский князь выглядел смущённым, отвел взгляд, уставился в чёрное оконце. – Не кланяйся, а послужи... Я уж сумею отплатить.

– Говори, Владимир Всеволодович! Я рад помочь! За чем дело стало?

– Есть у меня родич дальний. Молодой годами, но старый умом богослов, иконопочитатель. Многим наукам научен, разными языками владеет, женой моей привечаем. Апполинарий Миронег – вот имя сего доброго отрока.

– Отрока? – изумился Твердята.

– Отрока! – подтвердил князь. – Зелен душой мой Миронег, молод, не окреп ещё духом. Потому желаю направить его в Царьград, в риторское училище, дабы постигал там глубину богословских наук и вернулся бы к нам укреплённым большей премудростью. Вижу, сомневаешься в моих словах, Демьян Фомич?

– По пути к тебе встретил я человека, похожего на Миронегу. Встретил возле корчмы празднующимся...

– Тебе не в тягость будет мой Миронег, – князь возвысил голос и Твердята в тот же миг смирился. – Всем снабжу его. Дам и коня, и денег, и грамоту к царьгородскому патриарху. Забери только его, друже, из Чернигова. И пока не поумнеет назад, на Русь, нипочем не отпусти!

* * *

Посад смотрелся в воды Десны крутыми крышами теремов, тонкой вязью резных подвесов, цветными куполами звонниц.

Площади, поросшие травкой, свежая зелень палисадников, заборы – всё знакомое, виданное и всё чужое совсем. Эх, вовсе другие над этой речкой небеса. Эх, снова увела его беспутная судьба из Новгорода. Снова покинул купец родные стены, на этот раз твёрдо зная, что назад уж больше не вернётся.

Более суток не отпускал от себя купца черниговский князь. Более суток расспрашивал и сам рассказывал, стараясь наскоро наверстать года, проведённые в разлуке, пока наконец не разрешил по городу побродить, на субботнее торжище полюбоваться. Вот и пришёл купец на черниговский посад, ведя золотого жеребца в поводу. В тот час солнце давно уж перевалило за полдень, и чистые июньские небеса изливали на городок свежую синь, щедро сдобренную зноем.

Черниговцы уж и расторгвались, и наигрались, и по домам успели разойтись. На базарной площади остались лишь самые упрямые. Возле кузни, под соломенным навесом толпился народец. Там Твердята приметил златогривую кобылу, смиренную Касатку – подарок для Елены. Тут же топтался и боярин Никодим Каменюка, твердятова надёжа, глава его дружины.

– Касатку перековал, – важно заявил Никодим Селиванович. – Скот накормлен и обихожен, люди при деле, товар в сохранности. Когда тронемся к Переславлю?

– Чем скорее – тем лучше! – Твердята слушал речь Каменюки вполуха. Его внимание привлекла площадь на посадском торжище. Высокий шест, украшенный лоскутами разноцветной материи, и женщина под ним. Женщина казалась высокой и тонкой. Она стояла спиной к лесине. Лицо – смуглое, глаза – яркие, блестящие, будто самоцветные камни. Она могла бы называться красавицей, если б не глубокие шрамы, покрывавшие частым орнаментом её щеки и лоб.

– Половецкая княжна? – изумлённо пробормотал Твердята. – Откуда она здесь?

– Господин знаком с обычаями степных жителей? – спросил низенький вертлявый человек в расшитом яркими узорами полукафтаны. Рукава его одеяния – широкие, отороченные дорогим кунным мехом – казались крылышками, которыми их обладатель то и дело взмахивал. Сам человек – низкий, юркий – вертелся вокруг Колоса так, словно каждую минуту был готов пуститься в пляс.

– Кто таков? – сурово спросил Каменюка.

– Земятка, – ответило вертлявое существо. – Торговый человек, местный уроженец.

– Работоторговлей промышляешь? – хмыкнул Демьян.

– Да какая там торговля! – Земятка скроил плаксивую гримасу. – Который уж день его преподобию бабу в услужение торгую, и никак не сойдемся в цене.

Земятка махнул широким рукавом. На противоположной стороне торжища, в широкой тени навеса для скота, бродил человек в просторной рясе, рыжеволосый, бородатый, нелепый.

– Его преподобие – праведной жизни человек. А имя его... – Земятка понизил голос до шепотка. – ...Апполинарий. Не сказать, чтобы совсем дурак, но простоват, никак в толк не возьмёт, что дешевле чем за семь гривен я её не продам. Не могу!

– Апполинарий Миронег? – уточнил Твердыта.

– Он! – отозвался Земятка.

– Почто же вы простого смерда священническими почестями одариваете? – возмутился Каменюка. – Разве этот... человек рукоположен?

– Откуда ж мне знать? – смутился Земятка. Торговый человек опустил нос к земле, надвинул шапку пониже, спрятал глаза. – Миронег – родич князя... – пробормотал он.

Твердыта рассматривал женщину, а та прикрыла глаза. Видно, в грёзы погрузилась. Твердыта не мог отвести взгляда от шали цвета сохлых степных трав и силился угадать, во сколько же кос заплетены её волосы. Вокруг столба, прикованные к его основанию цепями, мотались несколько пленников мужеского пола. Твердыту они не заинтересовали. Навидался купец степняков, натоговался, навоевался. Но женщина! Чем она приманила его?

– Вольно же вам свободных людей в рабов обращать! – рычал Каменюка.

– Зачем надсмехаешься, новгородец? – обиделся Земятка. – Или заколоть их советуешь? Или обратно в степь отпустить? Нет уж! Они и хлебушек ели, и рыбную похлебку – так пусть теперь отработают харчи. А женщина молодая. Ты не смотри на её морду. То не морщины, а рисунки, узоры. Разукрасила себе морду для красоты. Женщина может работать, может скот пасти, может ткать. Не купишь ли, а? Неделю назад за двенадцать гривен её торговал, а теперь за семь уступлю.

– Почему же так упала цена? – оскалился Каменюка. – Нешто товар подпорчен? Нешто дурного нрава баба?

– Где ты видишь бабу, воевода? – насупился Земятка. – Это половецкая княжна!

– Так продай её Миронегу! – посоветовал Каменюка. – То-то я сморю, княжий родич с неё глаз не сводит. Нравится ему половецкая баба. Может и двенадцать, и пятнадцать гривен дать!

– С Миронег и резаны⁶ не получишь, – буркнул Земята. – Который год по черниговским корчмам бесплатно пиво пьёт. Нет у него денег. Одно слово – святой человек.

Святой же человек между тем вознамерился подобраться поближе к невольнице. Бочком, осторожно, с опаской начал он перемещаться из-под скотского навеса к ярмарочному столбу. Женщина стояла неподвижно, не размыкала век. Длинные, тонкие руки её безвольно висели вдоль тела. Легкий ветерок играл полами её шали. Миронег подошёл уж совсем близко, уж растопырил на стороны руки. Неужто обнять пленницу вознамерился? Твердыта видел плавный жест её рук, словно птица взмахнула крылами. Желтая шаль слетела с плеч половецки, обнажила голову, словно сама собой тонкая ткань свилась в тугую, похожий на ладно сплетённую веревку, жгут. Твердыта, онемев от изумления, наблюдал, как половецкая княжна одним метким ударом валит княжьего родича наземь, как спелёнывает его своею жёлтой шалью, как лупит нещадно невесть откуда взятой нагайкой. Ах, как проворно она двигалась, будто танцевала! Ах, как блистали вплетённые в её косы монеты!

– А косы у неё две, – проговорил Твердыта, направляя Колоса в сторону схватки.

– Довольно, Тат! Перестань! – лепетал княжий родич.

---

⁶ Резана – денежная единица равная 1/50 гривен.

Миронег валялся на стоптанной траве, не думая сопротивляться. На бледных устах его покоилась блаженная улыбка. Пленница стояла над ним, сжимая в руке короткую плеть из воловьих жил. Яркая одежда её была густо расшита шелками, грудь и запястья её украшали ряды разноцветных бус и браслетов. У Твердыты зарябило в глазах. Ах, чем же так сладко пахнет от неё? Свежескошенными травами? Первым мёдом? Майским цветением?

– Эй, купец! – стонал Миронег. – Купи половецкую бабу! Христом Богом молю, купи! Ах, если б обладал я, грешный, двенадцатью гривнами! Разве не отдал бы я последнее мироеду Земятке?!

– Двенадцатью? – возопил подоспевший Земятка. – Две седмицы минули, как привёл Дорофей треклятую бабу на Чернигов! Две седмицы минули, как достойнейший воевода мне её втридорога сплавил! Две седмицы баба эта с моею челядью воует! Сколько казны я на неё извел! Всё-то ей не в пору! И то не так, и это не эдак. Две седмицы ты, Апполинарий, на торжище топчешься. И я сразу тебе сказал и ещё раз повторю: семь гривен ей цена! Какие там двенадцать! Божий ты человек, но так врать, так врать!

– Купи-и-и! – простонал Миронег, закатывая глаза. – Купи бабу, новгородец! У стремени твоего шагать стану до самого Царьграда, портки твои стирать стану, молить за тебя Господа каждый день стану! Купи же бабу! Купи! Хррр...

Твердыта спешился, склонился над княжьим родичем. А Миронег уже спал, усердно выдыхая перегарный смрад.

Что ж поделывать? Достал Твердыта из кошеля семь гривен да и подал их Земятке.

– Ещё одну давай, – вякнул черниговский торгаш. – Видишь, божьего человека баба помяла. Теперь мне штраф десятнику платить. Ещё одну гривну давай!

Твердыта не видел замаха. Однако плеть из воловьих жил звонко полоснула Земяткину рожу. Беличья шапка упала наземь, а поперек Земяткина сморщенного лба расцвел алый рубец. Твердыта схватил женщину в охапку, что есть силы прижал её руки к бокам. Она оказалась твёрдой и гибкой, как та плеть, которую сжимала её рука. Твердыта чуял: не составит ей особого труда вывернуться и из его каменных объятий. Переполосует и его, Твердыту, и вдоль, и поперёк.

– Довольно! – прошептал купец, склоняясь к её уху. – Не надо больше сечь этих дурней. Довольно!

– Ещё одну! – Земятка, пряча глаза, так и стоял с протянутой рукой.

– Расплатись с ним, Никодимушка! – повелел Твердыта, усаживая женщину в седло.

Колос степенно шагал по улочкам черниговского посада, торжественно нёс на себе красивую пару, важно кивал златогривой головой встречным молодухам и мужикам. А Твердыта рассматривал причудливое переплетение прядей в косах пленницы. Нет, никогда доселе не видел он таких волос. Все оттенки от тёмно-гнедого до блестящего вороного были в них. Кое-где проскакивали и серебряные пряди, будто в косы вплели нитки мелкого речного жемчуга.

– Кто ты? – спросил Демьян у женщины.

Она обернулась, глянула на него фиалковыми строгими очами. Голос её, низкий и гулкий, оказался подобен звону дальнего набата.

– Моё имя – Тат, – проговорила она. – Тат из племени Шара. Ты отдал за меня выкуп, витязь. Теперь я стану тебе служить.

* * *

Они вышли из Чернигова пятничным утром, двинулись навстречу восходящему солнцу, оставив за спиной большую реку, пристань, судна со спущенными парусами.

Твердыта мечтал снова увидеть Днепр, услышать, как хлопает парус на ветру, как плещет растревоженная ударами вёсел вода. Страсть, как хотелось разогнать кровь молодецкой

работой, видеть проплывающие мимо берега с редкими дымками деревень, смотреть, как нос ладьи разрезает заросли белых и жёлтых кувшинок, тихими ночами слушать, как плещет в заводях крупная рыба. Желалось ещё хоть однажды пройти днепровские плавни, вспомнить вкус тамошних диких вишен, вдохнуть пропахший сосновой хвоей воздух, быть ослеплённым сверканием белого песка на отмелях. А потом, когда ладьи выйдут на морской простор, встать на палубе в полный рост и чувствовать, чувствовать ногами, как могучая волна поднимает ладью, как несёт её плавно вверх и вниз, будто мать укачивает младенца. Грезил он, как войдёт в пролив, как увидит золотые купола и сады Царьграда, как падёт перед ним на дно пролива чугунная цепь, и город городов широко распахнёт перед ним свои ворота.

Но путь по Днепру закрыт, Царьград далёк, а ему не пристало вязнуть в грёзах. Отвагою и трезвым расчётом добро умножается. Твёрдою волей цели достигаются. Нет пути на светлый Днепр, да и быть по сему! На сей раз его удел – вести караван дикими степями.

Долго думал он и рассчитывал, снаряжая караван. Придирчиво выбирал возчиков и стражу. Щедрою рукой оплатил преданность и отвагу караванщиков. Каждый из них – воин, проверенный в кровавых стычках. Честность каждого многократно удостоверена делами, но всё же, всё же... Они пошли в обход обычного пути. Новгородские товарищи-купцы, провожая Твердыта в дальний путь, посмеивались в бороды, качали головами, бесшабашным храбростью именовали – обида небольшая, терпимая. Но ведь и сам-то думал о себе по-разному. Виданное ли дело! Вложить всё состояние и повезти товар в обход обычных караванных путей. Да не обезумел ли Твердыта? Не потерял ли голову из-за любви к царьградской деве? Разве не нашлось бы для него в Великом Новгороде достойной невесты? Потаскился с большой казной, с грузом драгоценного меха за тридевять земель! Надеется на всегдашнюю свою удачу, на боевую выучку рассчитывает, на дружбу крепкую с Рюриковичами. Морщились богатые новгородцы, бороды жевали, но многие в дело вложились. Да и как не вложиться? Не Твердыта ли трижды в греческие земли по варяжскому пути ходил? Не он ли договаривался с половецкими ханами? Не он ли разумел всякий язык, на котором только изъясняется человеческая тварь? Не Демьян ли Фомич плавал по морям тёплым и холодным, бурным и спокойным, проходил через проливы, прожил зиму в плену на диком острове, на краю ойкумены? И всё-то ему во благо! И отовсюду-то он возвращался в Новгород с прибытком! Кто знает, может, и сумеет он наладить торговлишку с южным краем земель, с неведомым новгородцам русским княжеством Тмутаракань.

Так припоминал Демьян Твердыта новгородские дела, рассуждения хитроумных, оборотистых товарищей и радовалось его сердце, и волновалось, предчувствуя новую жизнь. А караван вился змеёй, повторяя русло малохоженой, полузаросшей дороги. Давно уж остался позади город Чернигов на берегу мирной Десны. Путь каравана пересекали другие речки. Переправы вброд или на плотах. И снова путь с холма на холм, вверх или под гору, лугом, полем, лесом, в сушь, под моросью и в ливень.

* * *

Колос, плавно переходя с ровной рыси на галоп, носил его по обочине лесной дороги из конца в начало каравана и обратно. С утра, ещё до света посылал Твердыта вперед разведчиков. Снова и снова возвращались они с той же вестью: путь впереди чист. Смерды в близлежащих деревнях пасут скот и косят травы. Жито не заколосилось, время страды не настало. Всё спокойно.

Тат неотступно следовала за ним, умолила отдать ей на время подарок Елены – нежную Касатку. Ах, как понравилась новая всадница кобылке! Как ластилась к Тат Касатка, повиновалась без прекословий. Изящно изгибая стройную шею, Касатка борзо перебирала тонкими ногами. Пыталась приноровиться к поступи Колоса. Твердыта чуял внимательный взгляд Тат

и тяготился её вниманием, искал повод отослать половчанку в хвост обоза, туда, где в крытых войлоком кибитках ехали жены возчиков-муромчан. Но стоило лишь Твердые обернуться, Тат опускала взгляд, укутывалась плотнее в свою шаль цвета сохлой травы, склонялась к шее Касатки, заговаривала с кем-нибудь из возчиков своим низким, похожим на отдалённый звон набата, голосом.

Ах, сколько разных полезных в дороге премудростей знала дочь степей! Она врачевала мелкие раны и ссадины так искусно, что уже на третий день пути не знала отбоя от болящих обозников. Тот руку поранил топором, другого вдруг стала беспокоить давняя рана, у третьего конь загрустил, четвёртого по ночам преследуют видения антихриста. Тат смотрела на них равнодушными фиалковыми глазами, прикладывала к больным местам сухие, мозолистые ладони, шептала невнятное, почти не размыкая губ. Шрамы делали её лицо похожим на лик древнего изваяния – хозяйки капища, затерянного в дебрях Муромы. Движения её были расчетливы и точны, зрение остро, слух чуток, тело неутомимо. Тат, с утра сев в седло, не сходила с него до сумерек, когда караван останавливался на ночной отдых. Тогда Тат варила зелья и играла на дудке. Кроме нагайки, плетённой из выделанных особым способом воловьих жил, было у половчанки и иное достояние – тонкая длинная дудочка, вырезанная из корня заморского дерева. Тат с превеликим мастерством извлекала из куска твёрдой деревяшки чарующие звуки. Десятник черниговского войска Ипатий Горюшок наловчился подпевать дудке. Да слова выбирал тягучие, жалостные – всё о войне да о разлуке, да о жизни постылой в плену на чужой стороне. Заслышав звуки дудки и горюшково пение, кони поводили острыми ушами, раздували ноздри, неловко переставляя стреноженные ноги, перемещались поближе к Тат. Взмыкивали в такт мелодии печальные волю. Даже овцы, прибранные в недалёком селе и приуготовленные на убой, переставали жевать подножный корм свой и уставляли на Тат бессмысленные очи. Да, Тат умела так ловко обращаться со скотиной, что велеречивый Апполинарий Миронег стал величать её «повелительницей стад».

Так уж повелось у них: Тат следовала за Твердытой, Миронег следовал за Тат. Ох, и тяжело приходилось порой любимому родичу черниговского князя! Его ленивый одр никак не хотел поспевать за резвой Касаткой, боялся мерин и ревности свирепого Колоса, кусавшего его за бока и за шею. Опасливый мерин норовил унести престарелого отрока в сторону от Твердыты туда, где на возах с провизией в мешках и корзинах хранились брюква и репа. Стоило лишь Миронегу задремать в седле, глядь – Тат след простыл, а черниговский одр уж протискивает седую морду между прутьями, пытается достать из корзины заветное лакомство. Миронег же, совокупно и всуе поминая и небесное воинство, и прихвостней сатаны, гнал его по заросшим муравой обочинам из конца в начало каравана и обратно с одним лишь стремлением: найти Тат и следовать за ней. Миронег взывал:

– О, прекрасная дева! Взнуздай и меня, выгони на пастбище твоих нег! Осчастливь! Готов твой грешный раб Апполинарий восхрапеть под тобою конем ретивым! Стань же, о, дева степей, моею всадницей! Воссядь на меня! Сожми гладкими ляжками своими мои бранные бока! Желая ощутить каждой костью своею, каждой частицей греховной плоти, наслаждение быть тобою погранным!

– Уэкин шиоф! Уэкин мэзы, Аппо! – резко отвечала Тат, едва слышав его голос. – Уззыгыэзэщырэ!

Миронег жалобно пялился на Твердыту, неизменно находившегося неподалеку от Тат.

– Я знаю греческий и латынь, – бормотал едва слышно близкий родич черниговского князя, – на арамейском языке могу читать... Но речь этой женщины недоступна для моего понимания!

– Она посылает тебя в степь и в лес, – усмехался Твердыта и, склонившись с седла, добавил так, чтобы посторонний не мог расслышать:

– Дева говорит, дескать, надоел. Отстань!

– Ну и я зык! – огорчился Миронег. – Собачий брех для русского уха куда как благозвучней!

Бывало так, что и Коменюка раздвигал бороду в ехидной усмешке, скалил крупные зубы:

– Слышь-ка, Демьян Фомич? Черниговский святоша словесно изголяется. Речь потоком льется. И вроде хвалы половчанке поет, и вроде бранных слов не употребляет, но есть в его речах похабный смысл!

Черниговский же воевода, Дорофей Брючиславич, неизменно оборонял богослова от новгородской напраслины, возвышал голос так, что всякий мог внимать его мнению.

– Нет похабства ни в словах Миронегга, ни в его намерениях! – говаривал боярин Дорофей. – Старец Апполинарий – святой жизни человек. Даже в те времена, когда разум его замутнен зелёным вином, душа и намерения его всё равно чисты!

* * *

Начальствующие над дружинами не ладили друг с другом с самого первого дня – с того момента, когда стремянной холоп черниговского воеводы Дорофея Брючиславича не подал новгородскому боярину Каменюке воду. Это случилось в жаркую пору на половине пути между Черниговом и Переславлем.

– Не хозяин ты мне, – буркнул подлый смерд. – Не начальствующий. У тебя вон челяди не считано. Посылай своих за надобой или сам с коня сходи.

С тем и убежал к недалней речке. Каменюка с коня сошёл, скинул на руки припоздавшим холопьям кольчугу, внимательным хозяйским оком проследил за тем, как коня его обиходили, как караванные телеги установили своим обычным порядком – в круг, и отправился к реке. Следом за ним шествовал с чистым исподним наготове его доверенный холоп Игнашка Виклина да Твердятин слуга, дальний родич покойной жены, Грошута. Оба вели в поводу двух хороших хозяйских коней: огромного гнедого Воя и златогривого буйного Колоса.

Хорошо вечерком, после утомительного дня, проведённого в седле, окунуть усталое тело в прохладные, осенённые зеленью ив воды. Хорошо посидеть на бережку в покое и тишине, посматривая, как снует по-над илистым дном мелкая рыбёшка. Хорошо и человеку, и коню приятно. Стоят Вой и Колос в реке. Гривы в воде полощут, всхрапывают, наслаждаются. Над гладью вод золотые стрекозы туда-сюда проносятся, соловьи трели выводят. Благодать!

Так сидел боярин Никодим на бережку, конями любовался, покой вкушал. Глядь, а из воды оскорбитель его, черниговский холоп мордку высовывает. Доволен, чист телом, беспечен, лыбится, на берег лезет настырная тварь, будто бес из преисподней. Знатного новгородца и не замечает вовсе.

– Ах, ти! – вскинулся воевода.

– Чего? – отозвался холоп. – Чего тебе, дядя? Отвороти рыло. Не хочу, чтобы купеческий конюший на наготу мою пялился. Стыдно мне!

– Это я-то конюший? Вот я сейчас тебя взнуздаю!

С этими словами Никодим подскочил и не убоился же подол рубахи замочить, изловил черниговского холопа, ухватил за загривок и давай кунать башкой в воду, приговаривая:

– Чуешь? Сладка водичка! Холодна водичка! Пей, тварь божья! Упейся, хам!

Черниговский холоп поначалу сопротивлялся, пускал пузыри да дрыгал ногами, но быстро затих.

– Нешто утопил христианскую душу? – осторожно заметил преданный Игнашка. – Вынь его морду-то из воды. Пусть вдохнет, не то...

И Каменюка вынул голову наглеца из воды.

Дав подданному черниговского воеводы продышаться, Каменюка велел Игнашке принести прут потолще. На истошный вопль холопа сбежалось разомлевшее от жары воинство. Резво

бежали, наскоро озлобились. Кто пустыми древками махал, кто оглоблей, а черниговский воевода Дорофей Брючиславич успел из торока боевую булаву выхватить. Драка, шум, вой! Впопыхах бока друг дружке намяли, а кое-кого отменно в воде выполоскали. Колос на славу порезвился: и копытами дерущихся пинал, и рвал зубами с плеч рубахи, и толкался крутыми боками. Особо, по случаю, досталось от коня боярину Дорофею Брючиславичу. Злая скотина загнала главу черниговского воинства в воду по самую шею да и не выпускала до той поры, пока сам Твердыта на берег не явился, верного своего друга за узду не ухватил да к порядку не призвал. Долго и с немалыми хлопотами извлекало черниговское воинство своего воеводу из реки. Увяз Дорофей Брючиславич в придонной тине. Да так увяз, что боевую булаву потерял, а сам едва не потоп. Новгородцы черниговским уроженцам воеводу выручать помогали, но и глумиться не забывали. Так и вылез Дорофей Брючиславич на берег безвестной речки, в жару до костей продрогший, в жидкой грязи изгвазданный, багровый от злых насмешек новгородцев.

– Хорошо же черниговское воинство! – рычал Никодим Каменюка. – Один борзый конь едва всех не перетопил с воеводой во главе. Горе-вояки! Черниговские михрютки!

С того дня завелась между новгородцем Никодимом Каменюкой и черниговским воеводой Дорофеем Брючиславичем сильная нелюбовь, долгая, длинной до самой смерти.

* * *

Караван двигался по полям и лесам, по окраинам Черниговской земли к окраинам земли Переславльской. Эх, темны в этих местах дубравы! Никак не одержат хлебопашцы окончательной победы над деревьями. Сколько ни жги, сколько ни своди, ан пройдёт три зимы: глядь – и лес снова вырастает. Сначала бёрезки и осинки корешками за жизнь цепляются, а уж изпод их полога лезут ели да сосны. Стоит лишь немного зазеваться хлебопашцу, и вот он лес, снова вырос!

Караван идёт, оставляя назади деревеньки, сельца и придорожные корчмы. Изю дня в день слышит Твердыта мелодии Тат, сложным узором выются они по-над дорогой. Изю дня в день видит Твердыта престарелого отрока Миронегу, не взявшего с собой в дорогу никаких припасов, а набившего торока́ одними лишь свитками. На границе Черниговской и Переславльской земель, в диких, поросших густым лесом местах пошел караван узкой лесной дорожкой. И день идёт, и второй, и третий. Колёса телег о толстые корни запинаются, колючие кусты путников за одежды цепляют.

– Эх, не в ту сторону Владимир Мономах подался, – приговаривал Каменюка. – Вот они, глухие урочища, для волколачьего промысла пригодные. Вот, где хорошо прятаться, натворив злых дел!

Твердыта смотрел по сторонам. Может статья, и прав Каменюка – старый караванщик! Темна вокруг дубрава. Стволы древесные частоколом, кроны в вышине смыкаются, свет дневной под себя не пропускают. Полумрак в лесу вечный, словно нет иного времени на свете, кроме смутных сумерек. А в сумерках какая жизнь? В густом подлеске, скрытые переплетением ветвей бузины и бересклета бродят странные существа. Неужто правду бают в Чернигове? Неужто волколаки снова завелись в этих местах? Странно в сумерках человеку, беспокойно. Мутится разум, слепнут очи. Чудятся человеку всякие напасти, и призывает он ангелов Господних на подмогу, а те будто и не слышат. Неужто сами сумеречным сном забылись? Уснуло доброе, дало дорогу злему. Шастает зло по дубраве, смотрит из кустов на проезжую дорогу, примечает беспечных или заносчивых в отваге, или тех, которые в подпитии. Выманивает, разлучает с товарищами-попутчиками и жрёт.

Идёт по лесной дороге Твердытин караван. Волы тянут гружёные телеги. По обоим сторонам воинский конвой: лучники, копейщики. Каждый верхом на хорошем коне, каждый в поводу заводного коня ведёт. Сняли с телег броню и оружие, в полную готовность к бою облек-

лись. Стерегутся! Утреннее солнце не шибко печет, можно и кольчугу на теле стерпеть. Можно и тяжкий шлем на лоб надвинуть. В середине каравана, верхом на пегом мерине, еле тащится Апполинарий Миронег, черниговский уроженец, родич князя, многие языки познавший ученый-богослов.

Скучно Миронегу, глазает он по сторонам и ничего не зрит, кроме зелёных листов да коричневых ветвей. И ничего не слышит Миронег, кроме птичьего щебета да скрипа колесного, да конского храпа, да бряцанья сбруи. А Миронегу хочется картин живописных и звуков гармонических. Чтобы к заутрене и к вечеру – звон колокольный, чтобы яркие девичьи платки и неистовые пляски. Бывало, на Чернигове сядет Миронег под забором. А внутри него уже полтора ковши зелена вина. А внутри него, как в хорошо истопленной бане, так жаром всё и пышет. А перед ним, в сполохах костра яркие подолы так и вертятся. Ленты, расписные кички, блестящие глаза – молодухи, девки! В такие вечера забывал Миронег и молитвы, и обыденную речь, и, тем более, брань. И бродил Миронег по узким улочкам черниговского посада до самой зари, предаваясь мечтам. Слушал милые голоса земляков, слёзно умолявшие его петь потише. Только под утро если не Мирониха, то Феоктиста уж непременно завлекала его к себе. Или, на худой конец, привратный страж, кланяясь в пояс, приглашал скоротать остаток ночи в коморке, под башней.

А ныне жёсткое село под задом. Купец тут – всему голова. И прозвище его Твердыта, и сам он твёрдый, и десница его тяжела, будто палица. Как зыркнет ястребиным оком – так Миронегова душа в опорки прячется. Ни зелена вина, ни плясок тебе, ни игрищ, ни колокольного звона. Эвон сколько лишений, и всё ради того, чтобы купола Святой Софии царьгородской узреть. Да где они, те купола! За синем морем. А где стены родимого Чернигова? Бог весть! Кругом дремучий лес. Ни дороги уж не видать, ни колёсного скрипа не слышать. Только ветер кронами шуршит. В жизни своей Миронегушка так далеко от дома не утекал. Спал либо у доброй бабы под боком, либо в собственной постели. А если и доводилось ночевать под звездами, то всегда тот забор наутро хорошо знакомым оказывался. А сны! Какие сны увидит путник, трясаясь на спине непутёвой клячи! Эх, сейчас бы вина ковш! Но страшнее жажды тумак сурового Твердыты. Утром чуть свет поднимает, сухой краюхой кормит, простой водой поит, в седло сует. Сам рыбку только ввечеру вкушает, а зелена вина и вовсе ни-ни. Странное дело, как от столь скудной пищи сила в его плечах не иссякает? Как труды столь тяжкие выносит? И ведь весел! И ведь счастлив!

– Эх, с-с-сабака! – прошептал в досаде Миронег.

– Не собака, не лаюсь, – был ответ. – Лис моё имя. Лис Лисович, Пень Пенькович. А ты, паря, нешто от каравана отбился? Что там, в караване: кони, говяды, дружина?

Отверз Миронег глаза и узрел прямо перед собой лик страшный, бородастый, одноглазый, взрыкивающий.

– Кто ты? Человек или волк лесной?

– Лисица я, – отвечала борода, ехидно скалясь. – Слезай с кобылы, обормот. А ну!

Сильные руки выдернули Миронегу из стремян. Упал Миронег, больно хребтом о шершавый ствол ударился. И потащило Миронегу по земле, повлекло дальше в чащобу. Хотел Миронег на помощь призвать товарищей, но сунули ему в рот смоляную деревяшку. Ох, и горька ж древесная смола! Ох, и жёстки коренья вековых деревьев! Ай, остры сучки!

– Молчи, руками не маши, телеух!

Глас это человеческий или рык звериный? Ах, как больно сучья в бока вонзаются! А рожито у лесных жителей! А зипуны-то из звериных шкур пошиты! Хотел Миронег осенить себя крестным знаменем, но и этого совершить не смог. Скрутили его, связали похитители. Прямотали руки к бокам, влекут на смерть! Изловчился Миронег, напрягся, вытолкнул деревяшку изо рта языком, харкнул в небо криком истошным:

– Грабёж! Спасите! Режут! Тат!

* * *

Караван идёт через земли обжитые, жизнь идёт от чрева матери к могильному чреву, солнечный диск идёт по небосклону с восхода на закат. Листья падубов шелестят над головами караванщиков, или солнце палит нещадно, когда тащится караван от одной опушки до другой, через широкие поля. Ах, как прекрасны пажити и рощи в начале лета! Свежая зелень дружно колосающейся озими радуется глаз. Головные повозки каравана, послушно следуя за литым крупом Никодимова коня, уже втянулись под полог вековой дубравы, в то время как охвостье ещё пылит по полевой стезе. Пыль, воловий мык, колёсный скрип, пропитанные потом рубахи. За караваном следует черниговская дружина. Летний зной заставил латников сложить доспехи на обозные телеги. Размякло воинство, дремлет в седлах. Замыкает шествие воевода Дорофей. Златогривый Колос носит своего всадника из начала каравана в конец, а из конца снова в начало.

– Эй, Каменюка! Всё ли ладно, старинушка? – кричит Твердыта в голове каравана.

– Всё ладно! – отвечает новгородский воевода.

– Эй, Дорофей Иоаннович! Всё ли ладно? – ревет Демьян Фомич, возвращаясь к последним телегам обоза.

– Ладно! Отставших нет! – откликается черниговский боярин.

И снова скачет Твердыта к голове каравана. Жарко всаднику, жарко коню. Скучен путь по мирным пажитям и давно уж, с самого утра, не видел Твердыта Тат. Чем занята? Где-то запропала? Почему отстала, вдруг ли? Ах, вот и она! Вот её шаль цвета сохлых трав мелькает в густой тени дерев. Но зачем дева спешила? Зачем медленно идёт, зачем крадётся вдоль лесной опушки? Зачем взяла в руки лук? Нешто надеется оленёнка подстрелить? Или узрела в густом подлеске неосторожных птенцов перепёлки?

Внезапно Тат обернулась к нему, глянула пронзительно фиалковыми очами.

– Аппо! – проговорила она, указывая в лесную чащу. – Аппо сгинул в чаще. Его забрали злые люди.

Твердыта окинул взглядом вереницу повозок. Заслышав грозные его окрик, затрепетали на дубах листочки:

– Апполинария не вижу. Где Миронег? Эй, паря!

Колос сам знает, куда нести своего всадника. Вот она, головная телега, крытая рогожами. Там в мешках пересыпаны полынным семенем связки отменно выделанных соболиных шкур. Вот смурной возница – уроженец муромы. Вот его пегие кони, тяжёлые на ногу, но выносливые. Здесь, неподалеку с утра трюхал пегий мерин, с родичем Владимира Всеволодовича на спине. С утра трюхал, а ныне – будто волки съели.

– Где Миронег? – сурово спросил Твердыта.

– Да тут он! – отозвался Каменюка, оборачиваясь. – Был! Куда же делся? Эй, Грошутка!

Не видал ли Апполинария?

– Останавливай караван! Гей, Голик! Чай заснул, мурома! Сто-о-ой! Тат!

Тат шла к ним от леса, держа в вытянутой руке, на отлёте клочок рыжеватых, побитых сединой волос.

– Видать, кто-то сдёрнул со старцевой башки волосья, – уныло пробормотал муромчанин Голик.

Тат, ни слова ни говоря, достала из котомки гнутый, кованный обруч. Твердыта поначалу принял находку половчанки за обычную гривну – девичье украшение. Однако вместо обычного медного диска с чеканным ликом солнца или птахи, или вскинувшего морду скакуна, на обруч было нанизано изваяние странного пузатого, кривомордого существа – неказистый

кусок обожжённой глины, сатанинский амулет. Тат невозмутимо поднесла находки к самому лицу Твердыты.

– Смотри, Деян! Понюхай! Они пахнут кровью и человеческим пометом! – прошипела она. – Аппо пропал. Его унесли демоны леса.

Караванщики из-за спины Твердыты рассматривали странные находки.

– Гляди-ка, дядя! – бормотал Грошутка-новгородец, истово крестясь. – Не дьявольские ли плутни? Смотри!

– Нечего смотреть! – взревел подоспевший Дорофей, воевода черниговский. – Надо вызывать святого человека.

– Я поведу, – сказала Тат. – Идите след в след. Самбырэу, тынчэу, рэхьатэу. Пшы!

– Она просит ступать тихо, не шуметь. С нами пойдут десять человек, – перевёл Твердыта. – Остальным – стеречь караван!

– Экий срам! – воевода Дорофей досадливо сплюнул. – Над нами начальствует половецкая баба, рабыня!

– А как же твой земляк, божий человек? – ехидно поинтересовался Твердыта. – Нешто оставишь его на съедение нетопырям? Всем молчать! Вшей не гонять, носами не сопеть!

* * *

Демьян осторожно раздвинул ветви густого подлеска. Жёлтая шаль Тат мелькала между стволов. Твердыта поспешил следом. Под кронами дубов царила полная тишина – ни птичьего щебета, ни звериной возни. Твердыта нагнал Тат, отстегнул от поясного ремня булаву. Половчанка обернулась, глянула на его оружие, шепнула с усмешкой:

– Лучше найди дубину подлиннее... Они там, впереди, прячутся, боятся нас...

Послышался едва различимый шелест, это воевода Дорофей извлёк меч из ножен.

Твердыта прикидывал расстояние. Они прошли не менее тысячи сажений, углубляясь в лесную чашу. Подлесок вокруг них стал таким густым, что дружинникам воеводы Дорофея пришлось тупить мечи, иссекая ветви жимолости и орешника. Тат же шла впереди команды, неслышно ступая по бурелому. Колючие ветви были ей не помеха, она струилась, текла, подобно воде, пропуская лес через себя, будто вовсе не имела плоти. Она держала перед собой изготовленный для стрельбы лук. Твердыта неотрывно смотрел на её грубые, сухие пальцы. Ах, как умело она наложила стрелу, как тверда была её осанка, как цепок взгляд опытной охотницы!

– Верно Тат хорошая охотница, – проговорил задумчиво Твердыта.

– Однажды на привале она умыкнула у меня лук, – подтвердил один из обозных возниц, шедших позади Твердыты. – Ушла в лес и до ночи её нет как нет. Однако к полуночи вернулась с добычей. Другой раз, помнишь ли, хозяин, весь день пропадала? Так вернулась с полным кузовом грибов и кореньев... И как только караван нагнала? Много воли ей дали, и поделом...

Тут половчанка обернулась, глянула на болтливого возчика строго и приложила палец к губам.

Наконец отряд вышел на поляну. Косые лучи солнца освещали избушку, сложенную из поросших мхом брёвен. Дерновая кровля съехала на сторону, в открывшуюся дыру струился легкий дымок. Трава на поляне вокруг избушки оказалась примята, а местами вытоптана до земли. Возле кромки леса чернело округлое пятно. Твердыта направился было туда, надеясь осмотреть кострище, но чуть не провалился в яму, до краёв заполненную хорошо обглоданными костями. Кости звякнули под его ногой, подались. Купец отпрянул, прислушался. Всё вокруг казалось пусто и тихо. Дорофей Брючиславич подал знак, и двое черниговских дружинников изготовились к стрельбе, навели острия стрел на подёрнутую мхом, дощатую дверь

избушки. Тат приблизилась к яме. Останки, наполнявшие углубление в земле, были чисто обглоданы, выбелены солнцем и дождями.

– Кости-то старые... – пробормотал Твердыта. – Только вот не разберу: волчьи, собачьи... Странно! Нешто хозяева хижин не нашли в этих местах лучшей пищи, нежели жилистая волчатина?

– Волчатину нельзя вкушать, не проварив её как следует, – проговорил всё тот же словоохотливый караванщик. – Да и не человечесья эта еда. Волк – не дичь, он сам охотник и...

Тат, присев на корточки, принялась перебирать кости. Лук с наложенной на тетиву стрелой она положила рядом на траву. Тат быстро нашла искомое, извлекла из-под груды выбеленных солнцем костей одну, приложила к руке. Твердыта следил за ней, а она снова принялась рыться в костях до тех пор, пока не извлекла ещё несколько косточек.

– ...а головы они закапывают, – проговорила Тат поднимаясь на ноги.

– Ты утверждаешь, что это человечесьи кости? – первым догадался воевода Дорофей.

Тат, не отвечая ни слова, снова наложила стрелу на тетиву и направилась к избушке. Дорофей, дружинники и караванщики последовали за ней.

– Надо разнести дьявольское гнездо на щепы и поджечь, чтобы неповадно стало... – распорядился черниговский воевода, а дружинники, полочнее перехватив секиры, принялись крушить ветхое сооружение.

Тат приоткрыла дверь и проскользнула под низкую притолоку. Твердыта не последовал за ней, увлекся, помогая новгородцам стаскивать крышу со стен. Дорофей же Брючиславич отправился вдоль кромки леса высматривать следы в истоптанной траве. Он двигался медленно, ворчал неразборчиво себе под нос, прикидывал. Стрела угодила в его кожаный, обшитый металлическими бляхами нагрудник. Дорофей поначалу остолбенел, а потом, зычно взревев, выдернул стрелу. Ответом на его рёв стала туча стрел, большинство из которых угодила в занимающуюся пламенем кровлю избушки. Над поляной повисло дымное облако. Твердыта видел, как за ним, на опушке, мечутся огромные тени. А дружинники уже бежали туда, разматывая веревки в надежде изловить невидимых стрелков. Им навстречу из дыма вылетали стрелы.

– Что за напасть! – зарычал Твердыта. – Кому придёт на ум выпускать стрелы, не видя цели? Где же родич князя?! Где Миронег?!

Дверь хижины со стуком отворилась и Тат выволокла на свежий воздух Апполинурия Миронегга. Божий человек был едва жив. Он стонал, орошая поредевшую, слипшуюся кровавыми колтунами бороду потоками слез и растирая посиневшие запястья. Вооруженные секирами, караванщики Демьяна метались под кронами деревьев, по краю поляны, пытаясь разыскать невидимых стрелков. Лучники черниговской дружины выпустили несколько стрел наугад, но остановились, повинувшись приказанию воеводы не трогать попусту стрелы. Тат прислонила обезумевшего от страха Миронегга к бревенчатой стене. Половчанка зачем-то, так некстати, достала свою свирель, облизала губы и несколько раз дунула в неё, извлекая странный прерывистый звук, пронзительный, похожий на зов неведомой птицы.

– Уа-а! – отвечая зову дудки, заголосила опушка. – Не рвите бороду! Пощада! Пощада!

Твердыта обернулся. На краю поляны завязалась нешуточная схватка. Воевода Дорофей со товарищи сумели отыскать и извлечь из зарослей бузины полуголое, до глаз заросшее бородой существо. Лесной житель был облачен в полуйстлевший балахон, короткие штаны, пошитые из волчьих шкур и волчью же шапку. В руках он держал большой лук, за плечами его болтался колчан, изготовленный из дурно выделанной кожи.

– Вот он, волколак-то! – рычал Дорофей Брючиславич. – Напрасно Владимир Всеволодович на север от Чернигова подался! Тут они, волколаки-то!

Пленник вырывался, норовя покусать обидчиков, дрыгал тощими ногами, вертел головой, звонко клал челюстями. Наверное, и вправду сродни он волкам, не иначе.

– Ую-ю-ю! – выл он. – Ар-р-рац! Ар-р-рац!

Тат продолжала извлекать отрывистые звуки из своей свирели, а Дорофей изловчился да и хряснул пленника по макушке кованую рукоятью кинжала. Тот обмяк, затих, подхваченный под мышки одним из дружинников.

– У-у-у! И дух от него звериный! – фыркнул черниговский воевода. – Слово из норы барсучьей смердит!

Поначалу птица парила, зависала в небе над поляной, бросая вытянутую крестообразную тень на траву. Потом, когда свирелька Тат издала особенно протяжный, жалостливый стон, птица стала медленно снижаться. Это был серо-крапчатый сокол. Большой, красивый, с жёлтым клювом и желтыми же когтистыми лапами. Он расселся на коньке тлеющей крыши. Казалось, и сизый дым ему нипочем, и вопли людей, и пронсящие время от времени стрелы. Между тем Тат уже спрятала свирель в складках своей одежды, скрутила шаль жгутом и обмотала её вокруг талии. Оглушительно треща крылами, сокол поднялся в воздух и исчез в дымном облаке. Твердята насторожился: что замыслила половчанка? Тат же, подхватив на бегу брошенный кем-то из караванщиков топор и моток пеньковой веревки, поспешала к лесной опушке, к зарослям, где металась черниговская дружина, сволоча на чем свет стоит невидимых стрелков.

Сокол находил стрелков в чащобе и подзывал хозяйку громким клетотом. Твердята узнавал о месте нахождения Тат по бречанию колокольцев, вплетённых в её косы, и по треску птичьих крыл. Эх, если б половчанка умела по-хорошему орудовать топором, так, как это принято на Новгородчине или в прочих местах, осенённых благодатью Богородичной милости! Тогда уж толку от их беготни стало бы куда как больше! Они извлекали из-под кустов кусачих бедолаг, вонючих, заросших спутанными, усыпанными гнидами волосами. Тат глушила их обухом топора, бросала на землю, ловко стреноживала по рукам и ногам, будто баранов. Потом она следовала дальше – шла на зов сокола в лесную чашу. Твердята поторапливался за ней, прислушиваясь к возне и крикам на опушке, куда его караванчики вместе с дружинниками Дорофея стаскивали пленённых Тат лесных жителей. Некоторые из лесников пытались сопротивляться, щетиниться дрекольем, но Тат перерубала дровки всё тем же топором. Движения её были стремительны. А Твердята боролся со странной дремучей сонливостью. Разве он не ловкий всадник, не отважный воин – участник множества толковых и пустых схваток? Или он, поросший густым мхом, подточенный прелью лесной пень? Вот один из лесников замахнулся на Тат литой, усеянной шипами палицей. Как она успела уклониться? Мгновение тому стояла прямо между Твердятой и противником. Оба были совсем близко. Купец брезгливо сплюнул, заметив в кучерявых волосах лесника суетливое копошение мелких хлюстов. Ан сгинул миг – и Тат уж лежит на боку, на земле. Ещё миг – лесник валится ничком, проламывая жилистым туловом куст жимолости. Вой, рык, хлопанье крыл в вышине. Твердята застыл, рассматривая вшивого людоеда, поглядывал то на перепачканную кровью Тат, то на жалобно воющее чудище.

– Убей, – тихо молвила половчанка, поднимаясь на ноги. – Спроси только сначала, где прячут монеты. А потом – убей.

Тат скрылась в густом подлеске, оставив Твердяту наедине с искалеченным лесником. Вскоре к купцу присоединились его караванчики – шустрый, сообразительный Ваньша Огузок да каменнотельый Любослав, следом за ними притащился и присмиривший Миронег. Нестерпимо смешно стало Твердяте смотреть на ошипанную бороду и на изгвазданную в грязи одежду черниговского стратотерпца.

– Зачем ухмыляешься, Демьянка? – всхлипнул Миронег. – Нешто радуешься горю ближнего, а?

– Не радуюсь – дивуюсь!

– О-о-о! – стонал у них под ногами раненый лесник. – Посфади меня, боаин! Не дай поинуть!

Он шипел и корчился от боли, харкая на бороду кровавой слюной, ворочал глазами, изгибался, пытаясь зажать руками раны на ногах.

– Что-то не вижу я на нём честного креста, – заметил Ваньша Огузок. – Или половчанка срезала?

– Почти-ка «Верую», – ласково попросил лесника Твердята.

Тот умолк, беспокойно поглядывая на зажатый в руке у Демьяна нож.

– Откуда знать нехрестю честную молитву? – заныл Миронег. – Людоеды, кровопийцы, злые алчные твари... Хотели меня позорной смерти предать, кровь высосать, а мясо хищным воронам скормить...

– Да не скормить, – усмехнулся Любослав-глыба. – А сожрать. Нанизать тебя, святоша, на вертел да и...

Но новгородцу не довелось закончить глумливую речь свою. Из лесной чащи неслышно вернулась Тат, окинула быстрым взглядом и изломанный куст жимолости, и ошипанного Миронегу, и новгородцев. На мгновение Твердяте почудилось, будто гримаса досады исказила её иссечённое шрамами лицо, будто налились гневом фиалковые очи. Она раскрыла ладонь, высыпала на окровавленную траву горсть грязных монет.

– Они зарывают богатства в землю, – сказала половчанка. – А путников свежуют, как свежуют скот. Он ответил про монеты? Нет?

И она занесла топор.

– А-а-а! – Миронег завопил так, что из ветвей молодого дуба, вознесшего крону над их головами, вместе с листочками посыпалась мелкая древесная мразь.

Черниговский уроженец, истошно вопя, пал сверху на тело лесного жителя, растопырил ноги и руки, силясь заслонить собою его тело. А тот уж и затих, и, казалось, дышать перестал.

– Почто нехрестя защищаешь? – басил Любослав-возчик. – Не он ли тебя сожрать намеревался, а ты...

– Не тронь живого человека! Убить человека из-за денег! – визжал Миронег. – Не тобой ему жизнь дана – не тебе и отнимать. Лучше меня возьми, лучше меня изрежь-иссеки! Не бери на душу греха, не посылай некрещеную душу в пекло!

От опушки леса на крики Миронегу бежали дружинники. Вот они окружили Тат, молчат, насупились.

– Приструни свою рабыню, новгородец, – проговорил кто-то. – Пусть баба топор бросит.

– Оставь мысли об убийстве, женщина, – рыдал Миронег. – Обратись ко Христу, обратись к истинной вере, отринь гордую мстительность, распахни объятия смирению!

Миронег лежал на земле, обняв окровавленного лесника, обхватив руками и ногами, прикрыв телом. А сам-то как и жив! Одежда изорвана, на теле багровые рубцы – не батогами ли отоварили по хребту? – босые ноги изранены, из бороды выдернут преогромный клочок и на месте его зияет кровоточащая рана, правый глаз закрыт синюшной шишкой, усы перепачканы кровью. Твердята перестал смеяться. Тат передала оружие одному из черниговских дружинников из рук в руки и, обтерев о траву окровавленные ладони, снова закуталась в свою шаль цвета сохлой травы.

– Да не блаженный ли он? – пробормотал Твердята.

– Пьянь и дурачок, – подтвердил Любослав. – Одно слово: божий человек.

Что ж поделать? Скрутили караванчики лесника веревками, Любослав взвалил смердящее его тело себе на плечи и выволок вон из леса. До темна бродила Тат вокруг избушки, поглядывая на темнеющую стену леса, словно ждала новых стрел. Но лес оставался тих и недвижим. Она указывала места и караванчики исправно находили в земле кувшины, полные монет. Тут были и гривны, и резаны, и даже византийские номисмы. Близились ночь. Камеюка прислал на поляну гонца. Тот доложил: дескать, боярин беспокоится, куда запропастились хозяин и черниговский воевода. Настала пора покинуть лесную поляну. Тела убитых лес-

ников кинули в наспех вырытую яму, присыпали бурой лесной землицей. Миронег уселся над могилой. Слёзы потоком лились по его щекам, сочились по изуродованной бороде.

– Похоронили без покаяния, – лепетал он. – Грех, грех...

– О чём плачешь, блаженный? – спросил его кто-то из черниговцев. – Лучше уж могила, чем такая жизнь...

– Я рыдаю, слёзы льются и солоно мне. И саднят от солёной влаги раны на морде моей непотребной. И потому плачу я ещё больше, ещё горше...

Миронег ползал по земле, будто грибы искал, пока не подобрал две ровных дубовых веточки. Он сложил пруточки крестом, скрутил их вервием, примотал кое-как к кожаному ремешку да и надел на шею притихшему леснику. Потом сбегал к лесной бочажине, набрал водицы, умыл смрадную рожу людоеда, посыпал его раны снадобьями.

– Сколь вшив ты, человеце, столь и грешен, – бормотал Миронег, поливая голову лесника водицей из плошки. – Нарекаю тебя...

– ... кыщенный я, – проскрежетал пленник. – При кыщении наечень Силой. Силой и живу!

– Обратимся ко свету, Силушка! Я рассеку твои путы, я омою твои раны...

Новгородский купец и черниговский воевода рядом, плечом к плечу, стояли на краю поляны рядом с Миронегом. Твердята снова услышал знакомый шелест. Снова Дорофей Брючиславич извлек меч из ножен.

– Вздумает бежать – убью! – прорычал боярин.

Миронег рассёк верёвки, связывавшие лесного дикаря по имени Сила. Ничуть не брезгуя, он промывал его раны, поил и обихаживал, используя снадобья из котомки Тат. Собственную драной рубахой перевязал его изуродованные ноги.

– Оставь его, – сказал воевода. – Нехристя бы вздёрнуть или в ту бочажину с камнем на шее сунуть. Оставь! Он принесёт несчастье!

– С нами крестная сила! – Миронег поднял на боярина изувеченное лицо. – Не нам знать, откуда придёт радость, а откуда – беда! Не там творить суд на убогими. Пусть свершится Божий промысел!

Но вот караванщики собрали отнятое у земли серебро, Любослав скинул кафтан, связал рукава и полы, ссыпал богатство, взвалил на плечи, ломанулся сквозь густой подлесок в сторону дороги. Следом за ним потянулась дружина и караванщики.

Но лесник Сила не подумал убежать. Тащился через дебри к проезжей дороге туда, где скучали караванщики, где ревели застоявшиеся волю.

* * *

Ночевали за лесом, на распутье двух дорог. Первая – хорошо укатанная, наезженная – убегала к горизонту. Там виднелись купы невысоких деревьев, там плескался в широком русле батюшка-Днепр. Вторая змеёй уползала в колеблемые ветром травы, пряталась, терялась в бескрайней дали. Эта дорога вела в степи, в сторону от православных твердынь, туда, где кочуют несметные стада половецких орд.

На ночлег Тат, как обычно, устроилась неподалёку от Твердята. В тот вечер, когда они вышли из страшного леса в бескрайнюю степь и стали лагерем на опушке, она одобритительно кивала головой, наблюдая, как погонщики ставят в полукруг телеги и повозки, как выставляют ночные дозоры. Долго ссорились водители каравана, судили-рядили по-всякому. Дорога через степь трудна, не наезжена. Народ в степи разный болтается. Что там лесная чаша с её вшивыми дикарями! Налетит половецкая конница – не отобьёшься! Каменюка с воеводой Брючиславичем не на шутку сцепились, спорили, мало что не разодрались. Каменюка советовал кочевать на восход, на манер степняков. Дорофей Брючиславич хотел непременно стать под стенами

Переславля, ждать князя Владимира там. Советовал Демьяну нанять суда и наперекор всему идти к Понту по Днепру. Наконец совокупно порешили двигаться вдоль Днепра, к Переславлю, а там поступить, как Бог решит.

За полночь усталый Твердыта забрался в свою палатку. В просвете между раздвинутыми краями полога он видел Тат. Она сидела у чахлого костерка, бдительно надзирая за небольшим, почерневшим от копоти казаном, медленно помешивала сухим прутиком варево. Движения её были скупы и тщательно выверены, на строгом лице лежала печать покоя. Сучья в костре потрескивали. Где-то совсем рядом, под ближайшей телегой, кряхтел и ворочался лесник Сила. Напротив Тат, по другую сторону костра, постанывал Апполинарий Миронег. Твердыта дремал, прислушиваясь к речам княжеского родича.

– Какая ты красивая, красивая, – шептал он. – Любуюсь твоим лицом и станом. Очарован, покорен твоей красотой! Что за сноровка, что за отвага и ещё: главное твое достоинство...

Миронег приподнялся на локте, протянул костистую руку, пытаясь ухватить Тат за край одежды, но та ускользала.

– ...ты молчалива, о дочь бескрайних степей!

– Мать родила меня в лесу, на берегу той речки, которую христиане называют Сулой, – ответила Тат. – И я знаю много слов христианской речи. И одно из этих слов – твое название, Аппо. Трудное слово. Плохое.

– О, да! – Миронег лег на спину, сложил руки на груди. Гримасу на его лице можно было бы назвать улыбкой, если б раны на лице, всё ещё причинявшие сильное беспокойство, не мешали ему улыбаться.

– Добродетель! – проговорил он, наконец.

– Словоблудие, – эхом отозвалась половчанка. – Ступай себе, неотвязный. Оставь. Засни! Не хочу тебя!

Закончив варить зелье, она окунула в казан кусок чистого полотна. Тат протирала раны и ссадины на голове и теле Миронеге, тихо нашёптывая слова. Язык казался Твердыте незнакомым. Он долго прислушивался, стараясь найти знакомые созвучия, но слышал лишь страстные клятвы Миронеге.

– Я сокрушу любые стены, я совершу такие подвиги, что сказители ужаснутся моей отвагой! И тогда, о дева степей, ты возлюбишь меня и взойдешь на брачное ложе. Сама взойдешь!

Твердыта заснул под его бормотание с улыбкой на устах.

На рассвете купец, как обычно, нашел Тат при входе в его палатку. Половчанка крепко спала на пропахшей конским потом попоне. Колос и Касатка стояли рядом, дремали, низко склонив головы к её ногам. Под телегой сопел, отдуваясь и смердя, лохматый Сила, а Миронеге и след простыл.

– Эй, Огузок! Вставай, Любослав-горемыка! Где опять Миронеге потеряли?

Твердыта ходил от телеги к телеге, нещадно пиная караванщиков. Колос неотступно следовал за ним, тыкал мордой меж лопаток, фырчал гневно, но пока не пинался.

– К пьешвьятым угодникам подался духовные подвиги совейшать... – сказал кто-то.

Твердыта замер. Кто ж это посмел ёрничать, кто вздумал насмеяться? Глядь, а из-под телеги рожа неумытая лезет – борода всклокочена, в волосах вши скачут. Сила – лесник! Хотел уж Демьян Фомич пудовый свой кулак с неумытой харей соединить, да побрезговал, но побагровел.

– На конь! – взревел новгородский купец. – Искать княжеского родича! Эх, навязали мне докуку!

Тут и воеводы явились, при полном вооружении, при конях, будто и не ложились с вечера. И суета собирающегося в путь каравана им не помеха. Снова собачатся. Как и не устанут!

– Эх, снова задал задачу, святотелый блудень, – гудел Каменюка. – Мы с вечера по-над Днепром двигаться порешили, а что, если он в степь подался? Мерин у него никудышный. Если половецкие охотнички его не повяжут, то уж волки непременно сожрут!

– Старец Апполинарий – божий человек! – ярился Дорофей Брючиславич. – Сколь раз спасал его Всевышний от разных напастей! Что ни затеет Миронег – всё ему с рук сходит. Другой бы уж и жизни решился, но только не он. Хранит его Господь!

– По-нашему, он пьяница, брехун и блудодей. А по-вашему – божий человек! – рявкнул Каменюка.

Воевода Дорофей и шипел, и десницу на рукоять меча возлагал, а Каменюка знай своё талдычит:

– Брехун и блудодей...

Первым тронулся с места крытый рогожами воз муромчанина Голика, за ним последовала вереница вьючных коняг. Жены муромских возчиков подвязывали к возкам свои закопчённые котелки, а их смурные мужья в последний раз перед отправкой в дневной переход проверяли упряжь, в то время как первые повозки каравана уже катились по наезженной дороге в сторону Днепра, к Переславлю. А Каменюка всё твердил своё, будто заведенный: «блудодей» да «брехун». А у воеводы Дорофея бранные слова стали колом в глотке, и он лишь ворчал с придыханием, хрипел, как цепной пёс.

– Эх, мочи нет! – рявкнул Твердята. – Оба вы люди зрелых лет, семейственные, серьезные! Оба седыми бородами украшены, а ведёте себя, как дети малые! Или хуже того! – Твердята помолчал. – С самого Чернигова собачитесь! Тебя, Каменюка, я нанял с дружиной мой караван охранять. Так будь послушен – выполняй мои указания. А ты, Дорофей Брючиславич, если семье черниговского князя предан – ищи его родича! Эх, Миронег, Миронег! Где ты, мил друг! Ау!

– Позволь пойти в степь...

Твердята обернулся. Ах, как блистали фиалковые очи Тат в обрамлении жёлтого платка! Демьян привык и к странному, иссеченному шрамами лицу половчанки, и к её немногословию, и к надёжности привык.

– Ты скоро вернешься? – спросил он попросту.

– Я поскачу на Касатке, Деян, – она неотрывно смотрела ему в глаза, поглаживая золотистую кобылку по шее.

– Найди блаженного! – Твердята, приложив руку к груди, склонил голову. – Если живого привезёшь, то даю слово – высеку, а коли мёртвого – похороним!

Твердята кивнул и пустил Колоса шагом, нагоняя переднюю повозку каравана.

– Всех околдовала, – услышал он за спиной ворчание Дорофея Брючиславича. – И блаженного, и торгаша – всех вокруг пальца обвела!

* * *

С севера натягивало грозу. Воздух застыл, птицы умолкли, исчезла и мелкая кусачая сволочь, постоянно донимавшая скотину своим докучливым вниманием. Твердята дал волю Колосу, и конь помчался во весь опор, всё шибче перебирая мощными ногами. Знойный ветер обжигал лицо Твердяты, но издали уже тянуло речной свежестью. Колос чуял её, нёсся в бешеном галопе. Они далеко обогнали караван, неслись, не разбирая дороги по широкой степи, перескакивая через сусличьи горки. Твердята слышал лишь дробный топот да отдалённые громовые раскаты. Демьян Фомич надеялся: совсем скоро они увидит переславльский посад, высокий частокол, сторожевые башни, а над ними – колокольню с крестами на полотнище чистых небес. Словно потакая его надеждам, под ноги Колосу бросилась узкая стёжка, конь замедлил бег, перешёл на борзую рысь.

– Опасаешься потерять тропку, друже?! – захохотал Твердыта.

Конь лишь прядал ушами и принохивался. К дробному топоту добавились иные звуки: плеск воды, деревянный скрип. Так поскрипывают речные суда, когда трутся друг о дружку бортами. Всё так и оказалось: пологий, поросший ивняком бережок, частокол корабельных мачт, пристань, странное безлюдье кругом. Неужто грозовые тучи над северным горизонтом успели распугать переславльцев? Над берегом стёжка уходила влево, бежала вдоль берега к широким, окованным железом воротам. Сторожевые башни смотрелись в гладкую воду. Раскаты грома слышались всё ближе. Твердыта спешил в виду посада. Колос потянул его к реке.

– погоди! – придержал коня купец. – Не пей! Остынь!

Он повёл Колоса в поводу на гребню невысокого вала. Твердыта хорошо знал дорогу. Внизу, под скатом вала извивался сонный Трубеж. Он, так же как Твердыта, поспешал неторопливо, сочился в зарослях осоки, шептался с прибрежными деревьями, шелестел, зазывал за собой раствориться в водах большой реки. Твердыта знал: большая река совсем близко. Днепр ждёт его, а встретив, станет заманивать, кликать по имени, уговаривать, припоминать стародавние времена, когда ходил купец от Киева до Понта на крутобоких ладьях. Напомнит о лихой охоте в плавнях, об отважных товарищах. За кем гонялись они? Лисицу ли желали изловить? Ретиво носились за ней, словно то не зверь был, а самая желанная Божья милость. Припомнил и гигантских налимов, выловленных на удачу юным княжичем Володарем. Эх, Володарь Ростиславич! Отважная, забубённая душа! Где-то ныне гонит дичь непутёвый Рюрикович? В каких краях щиплет траву белогривый Жемчуг?

Впереди за частоколом сосновых стволов сверкала спокойная поверхность реки. Твердыта услышал спокойный плеск волн, шорох камышей. Сначала он прибавил шагу, а потом и побежал, выпустив из ладони узду. Колос трусил следом, позванивая сбруей, дескать, тут я, хозяин, ещё не отстал. Попомни же меня, обернись! На песчаном бережку Твердыта поспешно стянул сапоги, размотал портянки, ступил ногами в прохладную воду, потрогал её рукой. Он водил ладонью по поверхности воды, что-то ласково нашёптывая. Он беседовал с рекой, а та ластилась к нему, подобно истосковавшемуся по хозяйской ласке ручному зверю. Колос тоже вошёл в воду, потянул губами холодноватую влагу, фыркнул, тряхнул головой, надеясь, что звон сбруи привлечёт внимание хозяина. Но Твердыта и думать забыл о коне. Купец всматривался вдаль, туда, где по-за гладью днепровских вод возвышался поросшими лесом обрывами правый берег. Левее, в том месте, где в Днепр вливался ленивый Трубеж, поскрипывали, терлись бортами о пристань речные суда.

– Эх, оседлать бы тебя, Днепрушко! – сойти на кораблицах до порогов, а там...

Купец снова тяжело вздохнул и обратился к коню:

– Теперь и ты увидел Днепр, Колосушка? Как тебе, по нраву ли река? Станешь ли купаться?

Конь стоял неподвижно, опустив голову. Его золотая грива струилась по поверхности воды, привлекая мелкую рыбёшку.

Твердыта присел на бережку. Он долго смотрел, как качаются на пологой волне корабельные мачты. Точно такие корабли швартовались на нешироком Трубеже, прямо под стенами Переславля. Их поднимали вверх по речке, швартовали у небольшой пристани. Крутые борта лодок перегораживали собой русло. Не обуваясь, заткнув сапоги в перемётную суму, новгородец взобрался в седло, и Колос, благодарно покивав своему всаднику, зашагал в сторону городских стен. Эх, неосторожными казались Твердыте переславльцы, беспечными, сонными! Согнали суда в кучу под городские стены. Что станет, если один из кораблей загорится по неосторожности ли, по злему ли умыслу врагов? Даже стражи не выставили, эх! Сам-то Переславль ладно выстроен на высоком холме при слиянии двух речек. Над крепостными стенами возвышаются шпили колоколен. Частокол снаружи обведен глубоким рвом. Склоны холма между рвом и речкой усыпаны соломенными крышами посада. Проезжая мимо, Твердыта узрел

и городскую суету, и многолюдство, и видимую надёжность – даже переславльский посад был обведен невысоким частоколом. Вход за стену охранялся стражей. И всё же, всё же... Не хотелось Твердяте ночевать за городскими стенами. Чем-то напоминал ему Переславль соломенное пугало, чучело огородное, вороватыми птицами засиженное, ненадежное.

– Не станем заходить в городок, Колосушка, – проговорил Твердята. – Станем табором под стенами.

Колос снова покивал головой, дескать, согласен с тобой хозяин. Воля куда как надёжней!

Наконец Твердяте вздумалось поближе посмотреть на ладьи. Он снова спешился, прошёл босиком по сухой, колкой травке. Днепровский берег казался совершенно безлюдным. Даже ветер не играл ветвями высоких сосен, даже птица не вспархивала, не пискнул суслик. Твердята ступил на дощатую пристань. Внизу, под досками настила плескалась вода. Вокруг было пусто и тихо. Корабельщики то ли спали, то ли все ушли в Переславль, не оставив дозорных. Облака на севере вздымались утёсами. Между ними пробегали оранжевые сполохи зарниц. На пристань явился дедок: полосатые порты, просторная не перепоясанная рубаша, шапка из плотного войлока, огромные босые ступни. Кряхтя и отдуваясь, он елозил по доскам настила на коленях, пока наконец не достал из-под пристани сетчатый садок, полный рыбы. Дедок уж собрался покинуть пристань, когда Твердята заступил ему дорогу.

– И не спросишь кто таков, старче?

– Зачем? – дедок зыркнул на него недобро из-под шапки. – Ясно, что не степняк. Тут полно всякого люда таскается. И торговые, и прочие разные. А нам-то что? Таскайся, коли охота приспела. Мы только степняков боимся. Жгут, собаки. Жгут да грабят.

– А ежели лазутчик?

– Ты-то? – хмыкнул дедок. – Ты – торгаш. Вон конь твой хороший, сапоги, пояс, ножны – всё добротное. Морда, опять же... Да и слышали мы о караване-то, что от Чернигова к нам идёт. Ты не из них ли?

Тут первые капли упали на вострый дедов нос, и старинушка заторопился на берег и далее по тропинке, к городским воротам.

* * *

Караван притащился к городским воротам под проливным дождём. Каменюка истово крестясь при каждом ударе грома, сам грохотал грознее бури:

– Эй, Устишка! Накрывай добро! Скидавай кольчугу, Васька! Всё! Отвоевались! Да ты суй железо под телеги, бестолковый упырь! Волон выпрягай! Да накрой их чем ни есть! Ах ты, бес ленивый! Эй, береги хозяйское добро!

Ливень взбаламутил воду в реке. Корабельные мачты сделались похожи на убогих сирот, вымокших и продрогших.

– Оставь всё как есть! – Твердята надсаживал горло, силясь перекричать грохот ненастья и вопли возниц. – Обустроимся как получится! Разбивай лагерь под стеной! В городишке нам всё одно не поместиться.

– Не стоит и под крепостной стеной огороды городить! – буркнул Дорофей. – Разбиваем шатры, Демьян Фомич!

– Где Таг? Не вернулась ли? – спросил Твердята, но черниговский воевода, казалось, не расслышал его вопроса.

Огузок и Голик уже вбили колья, уже раскинули широкий полог Твердятиной палатки. Хорош заморский шёлк! Плотный, скользкий. Струи косого дождя хлестали по нему, тщетно пытаясь пробить плотную ткань. Уже Грошута притащил откуда-то сухие дровишки, уже приготовился развести костер, а Твердята, прикрыв плечи кошмой, всё смотрел и смотрел в иссечённую струями даль: не мелькнёт ли быстрая тень, не выпорхнет ли из-за пелены дождя рез-

вая Касатка. Стена ливня уходила в сторону, к большой реке, степь оставалась пуста. Твердыта улёгся, стараясь унять тревожную дрожь. Полночи он слушал, как шумит вода в набухшей речке. Где-то совсем недалеко галдела капель, словно не разгар лета сейчас, а начало весны. Прислужник – не нарочно ли? – оставил полог палатки неприкрытым и Твердыта неотступно смотрел в подсвеченный огнями ближних костров просвет. Но Тат так и не появилась. Наконец все звуки утихли – Твердыта заснул.

* * *

Враги тихо вырезали дозорных: ни один не проснулся, ни один не подал сигнала тревоги. Суда запылали глубокой ночью. Горели нехотя, испуская в небо густой, чёрный дым. А соломенные кровли посада занялись бойко. Оранжевое пламя быстро пожирало их. Во влажном воздухе треск и вой пламени были хорошо слышны за изгородью посада. Твердыта проснулся, прислушался к знакомым звукам и подумал, будто это караванчики разожгли слишком высокие костры, пытаясь просушить вымокшую под ливнем одежду. Купец снова заснул, не обращая внимания ни на голос набатного колокола, ни на едкий дым, заползавший под полог палатки.

Тревогу поднял Колос. Уж его-то враг резать не захотел, а зря. Конь дал ворогу перерезать пути на ногах, позволил с факелом в руках воссесть себе на спину и только тогда уж понес. Конь крушил копытами палатки караванчиков, смертельно напуганный всадник на его спине истошно вопил, выбросив факел, вцепившись в гриву неукротимого коня. Колос принёс добычу к палатке своего хозяина и там сбросил наземь. Оброненный степняком факел на удачу подпалил палатку Каменюки, а уж тот возопил так, что и на стенах, и за частоколом проснулись стражники. На сторожевых башнях загорелись огни. Корабельщики кинулись тушить свои суда.

Караванчики споро разгрузили повозки и телеги, поставили их в круг. Коней и волов согнали в кучу, привязали к кольям вбитым в центре круга. Откуда-то взялись тугие половецкие луки, колчаны, полные стрел. Но куда же подевались нападавшие?

– Вижу, вижу! Обучен ты воинским наукам Дорофеем Брячиславич! – голос новгородца Каменюки звучал гулко из-под забрала.

Дорофей Брячиславич и новгородский воевода Никодим Каменюка стали спина к спине, готовые обороняться. Дорофей потерял меч, копьецо унесла в своем боку смертельно раненная степная лошадка. Воевода, как зачарованный, следил за её заполошным бегом, видел, как, потеряв последние силы, она пала на опушке недалевого леса.

– А где Демьян Фомич? – вопил кто-то. – Пропал хозяин-то! Не свели в полон-то?!

* * *

Твердыта прислушался. Земля гудела, попираемая сотнями копыт. Где-то неподалёку мчался табун лошадей. Табун? Конный отряд? Набег! В полумраке шатра Твердыта рассмотрел высокую тень, прислушался и не расслышал ни скрипа кольчужных колец, ни бряцания металла. Купец потянулся к кинжалу.

– Оставь, это я... – проговорила Тат.

Дурманящий запах полыни, тимьян-травы, лесного мха овеял его, когда она поднесла к его губам чашку.

– Выпей, Деян, – повелела она.

– Что это?

– Пей!

Твердыта сделал один судорожный глоток. Тотчас же под пологом шатра заметались серые тени, словно ночь сделалась светлее, словно уже наступил рассвет. Твердыта ясно раз-

глядел Тат: неподвижное лицо, чёрные провалы бездонных зрачков, туго заплетённые косы, прямые, прикрытые шалью плечи. На золочёном наборном поясе дареный им кинжал в узорных ножнах.

– Пей, это поможет тебе спастись, когда меня не будет рядом! – она притиснула край чашки к его губам. Тёплое, сладковатое питье омочило язык и гортань.

– Конница ещё далеко. Вокруг крепости разведчики. Подпалят и убегут. Конница на подходе. Три раза двенадцать и так три раза...

– Около сотни... – прикинул Твердыта.

Тат отрицательно помотала головой.

– И ещё три раза...

– Три сотни? – сонное оцепенение никак не хотело покидать Твердыту.

– Надевай кольчугу... – голос её был подобен шелесту степной травы.

Скрипнули кольчужные кольца. Твердыта позволил себя одеть и перепоясать мечом.

– Меч тебе не понадобится, – говорила она, вручая ему колчан и лук. – Колос под седлом.

Созывай дружину, скачи к лесу. Пей!

Она снова поднесла к его губам чашку и заставила допить снадобье.

– Я не побегу! – рычал Твердыта. – Не оставлю добро... Не брошу своих...

– Не оставишь... не бросишь... – эхом отозвалась она. – Стань слепым, но всеслышащим.

Умножь отвагу хитростью!

Гул копыт нарастал вместе с утробным воем. Казалось – сотни ног поднимают к небесам не прах земной, но многоголосый стон.

– Гаууу! Гаууу! Гаууу! – вопили духи степи. Им вторил пронзительный свист, и Твердыта услышал частый, глухой стукот – это выпущенные лучниками стрелы вонзились в дощатые борта его повозок.

Когда Твердыта выскочил из шатра, на площадке между возами уже кипел бой. Купец видел боярина Дорофея и воеводу Каменюку, сражавшихся спиной к спине с дюжиной конных степняков. Отсветы догорающих костров играли на лезвиях клинков. Оба бойца успели надеть доспехи и были пока целы. Твердыта натянул тетиву. Каждая из выпущенных им стрел находила свою цель. На вытопанную траву, под ноги сражающимся, валились степняки и их кони. Он не слышал криков, не слышал конского ржания и лязга металла. Все звуки потонули в тихом шёпоте Тат:

– Беги к лесу, Деян! К лесу! К лесу!

Твердыта опомнился, лишь обнаружив, что колчан его пуст. Тогда он обнажил клинок. Где же Колос? Ведь Тат говорила, что конь осёдлан! Твердыта свистнул, и на зов его явились трое степняков с короткими пиками. Первому противнику Твердыта нанёс смертельный удар в шею, второму рассёк плечо повыше кованого наруча, и тот с воплем выронил пику, третьего убил подоспевший Колос. Твердыта взлетел в седло, конь взял с места в карьер и бросил прямо на пылающий войлок крытой кибитки.

– Любая тварь боится огня, но только не ты, мой Колос! – хохотал Твердыта, когда конь нёс его по тёмной степи вокруг лагеря.

Они сминали копытами и секли мечом всё, что попадалось им на пути. Бой кипел и внутри круга повозок и вне его, между лесом и степью. Черниговские дружинники встретили противника во всеоружии. Видимо, дозорные успели поднять тревогу. Ворота Переславля оказались затворены, из-за частокола летели тучи стрел, и Твердыта не разрешал коню приближаться ко рву. Днепровская гладь пылала – горели ладьи и лодчонки рыбаков. Демьян видел в воде головы плывущих людей, слышал голоса защитников города и степняков. Налететь одним духом, урвать наудачу и унести в степь – вот и вся премудрость степного войска.

Неподалеку от лагеря, возле леска Твердыта, спешившись, раздел мертвого степняка, по виду – знатного воина. Забрал шапку, саблю, натянул поверх кольчуги пропахший козлятиной кафтан, замотал лицо шёлковым платком.

– Скачи к лагерю, Колосок! Лети!

Конь принял с места в галоп.

Степняки затеяли свою обычную игру. Они вихрем носились вокруг лагеря, засыпая обороняющихся тучами стрел. Из-за повозок им отвечали громкой площадной бранью и камнями. Игнашка сноровисто метал орудовал пращей. Молодец, парень! Редко промахивался даже по несущемуся галопом всаднику. Поле брани освещали пылающие крыши переславльского посада. Там, за частоколом, металась быстрые тени, оттуда прилетали стрелы и камни.

– Богатыри! – завопил Твердыта. – Добыча уходит! Пахари вывозят добро из города за мной! По другую сторону открыли ворота!

Как он вспомнил слова? Как пришла ему на ум в минуту смертельной опасности речь племени Шара? Откуда ведал он, что именно сородичи Тат пытаются этой ночью штурмовать его караван и городишко Переславль?

Колос несся упругим галопом, часто меняя направление, но Игнашка снова не промахнулся. Камень пущенный из пращи, едва не вышиб Твердыту из седла, больно ударив между лопаток.

– Сломал мне хребет, боярский холоп, – прохрипел купец, падая на шею коню.

А Колос уже нёсся к недалёному лесу. Следом скакала орда степных всадников.

– Гаууу! Гаууу! Гаууу! – завывали они.

Стена леса стремительно приближалась, и Колос снова изменил направление бега. Пару саженьей не добежав до опушки внезапно свернул вбок, в редколесье. Хитрая скотинка надеялась спрятать своего всадника в густом подлеске молодого, не успевшего заматереть леса.

Колос метался между молодыми дубами, путал следы, припомнив давно усвоенную повадку утекать от волчьих клыков. Но степные-то всадники куда как умнее!

Поначалу Твердыта решил для себя так: напоролся на сук, вылетев из седла. А раз так, надо попытаться встать! Но широкий наконечник копья помешал ему, чувствительно вдавив в грудь каленые кольца кольчуги. Твердыта провёл рукавицей по глазам. В утренних сумерках поблескивали высокие шлемы всадников и кованые обода их щитов, слышался скрип кольчужных колец, остро пахло конским навозом.

– Кто такой? – вопрос был задан на языке степняков.

– Купец, – прохрипел Твердыта. – Веду караван из Новгорода в Тмутаракань. Хотел было пройти через днепровские плавни, но...

– Какие ещё языки знаешь? – спросила темнота на языке русичей.

– Греческий, иудейский, все наречия степи понимаю и немчинов речь. – Твердыта приподнялся, отвел от груди наконечник копья. – Давно стоите в засаде? Кто такие?

Кто-то сошёл с седла, по сухой траве прошелестели быстрые шаги, его подхватили под руки, приподняли. Голова внезапно закружилась. Твердыта прислушался к своему телу – не ранен ли? Вроде больно спине в том месте, где игнашкин камень его догнал. И хорошо, что больно! Вроде бы рубаха присохла – значит, кровушка текла, а он и не почувял. Он слышал голоса, странный, тихий разговор:

– Посмотри-ка, он ранен...

– Да в ноге стрела! И как ловко попала, выше сапога...

– А голова?

– Голова почти цела. Только шапку потерял и лоб зашиб...

– Смотри-тка! И тут кровяца!

– То не его. То он кого-то запорол!

– Эй, Василий! А это что за зверь кусачий-бодучий?

– То его конь. Ишь, шкура-то, словно Ярилин лик, блещет...

– Так и конь-то ранен... Гляди-тка, по боцине чиркнуло стрелой! Разве снять с него кольчугу?

– Святые угодники вновь явили нам свою милость! – проблеял знакомый голосишко. Внятно запахло свежим перегаром. Твердята сомкнул и разомкнул веки. Двигать головой опасался, но этого и не потребовалось. Ощипанная бороденка Миронегса сама собой возникла над ним. Соловело таращились светлые глаза.

– Ах, нашел я тебя, Демьян Фомич! А и не чаял, только молился о воздаянии новой улады! И вот он, ты! И почти целый! Ах...

Бедовая головушка Миронегса исчезла, и знакомый, где-то слышанный совсем недавно голос сказал твёрдо, повелительно:

– Да не Твердята ли это? Нешто Демьян?

– Он! – прохрипел Твердята.

– Он! – повторил где-то неподалёку голосишко Миронегса. – Вот, привёл я тебя, князюшка, прямо в тёплое местечко, в объятия доброго дружка!

– А не ты ли по-на суку сидел, рыдая? Не у тебя ли волки мерина подъели? – поинтересовался ехидный шёпоток.

– Оставь в покое святого человека, Ипатий! – возразил шёпотку рыкающий бас. – Если б старинушка Апполинарий нам в лесу не встретился, если б полночи мы со древа его не снимали, то сами б под половецкие стрелы так из лесу и выскочили бы!

Боль захлестнула Твердяту внезапно, словно сразу воспалились все раны, словно неведомый губитель нарочно посыпал их солью. Твердята застонал.

– Что с тобой? – князь Владимир Всеволодович приблизил к нему встревоженное лицо. – Нешто раньше не чувствовал, что ранен?

– Это всё зелье... Это Тат... – пробормотал Твердята, проваливаясь в забытье.

* * *

Демьян очнулся в потёмках. Он долго лежал без движения, прислушиваясь к своему телу и к оглушительной тишине. Наконец он смог извлечь из дальней дали странный заунывный звук, будто дудочка Тат играла где-то неподалеку.

– Тат! – тихо позвал Твердята.

– Сбежала твоя рабыня, купец, – ответил из темноты знакомый голос. – А я – твой верный пес – остался при тебе.

– Каменюка?

– А то кто ж!

Огонёк лучинки разорвал темноту, и Твердята увидел широкое, наискось рассечённое шрамом лицо воеводы. Полученная смолоду рана сделала лик Каменюки на удивление красивым. Шли года, белела потихоньку Каменюкина борода, редели волоса на его макушке, старела, покрываясь складками, левая половина его лица, в то время как правая, по странному промыслу судьбы оставалась юной.

– Узнаю тебя! – Твердята попытался улыбнуться старому товарищу.

– А я тебя – не то чтобы...

– Так тихо...

– Тихо! Только что сплавил дуба черниговского – Дорофея свет Брячиславича! И за что только князь такого кормит?

– От степняков отбились...

– Как же, отбились! Ни одного корабля не уцелело! Ни тебе захудалой лодчонки! Всё пошло на дно в виде чёрных головешек или дымом в небеса улетело!

– Значит...

– ...значит, пре нашей конец! Сам Господь нас ведёт через степь! Да и то дело! Орду знатно пощипали. Полон велик! Здешний посадник подрядил рыжебородых пристань почищать.

– Тат...

– Бабы страшной нет среди них, – левый, пожилой глаз Каменюки уставился на Твердята с жалостливым сочувствием, в то время как правый, молодой, блистал задорным злорадством.

– Выздоровливай, Демьян Фомич! А мы пока для дороги дальней снарядимся. Тут у рыжебородых неподалёку становище. Мы им – пленников, они нам – дорожные припасы. Гляди, и сторгуюсь, и бабу твою беглую отыщем, если нужда ещё в ней имеется...

Вечером в палатку купца явился Владимир Всеволодович. Твердята князь показался веселей обычного:

– Ловко ты на нас степняков навел, – улыбнулся князь Владимир. – Мои охотнички не один десяток их в лесу переловили. Остальные, не солоно хлебавши, в степь утекли.

– Эх! – вздохнул Твердята. – Жалко кобылу. Хорошую цену за неё дал! Да и не в деньгах дело! Видать, накаркал Мирон Емельянович! Напророчил, старый тысяцкий!

– Оставь! – князь Владимир улыбнулся. – Не кляни новгородского старинушку. Тем паче, что кобыла твоя цела. Мы нашли её в лесу... Эй, Игнатий!

Шустрый отрок подал князю жёлтый лоскут тонкой шерстяной материи.

– Я нашёл кобылку в лесу, стреноженной и привязанной к смородиновому кусту, – сказал князь Владимир. – Ноги кобылки оказались перепутанными этим вот лоскутом.

Твердята взял у него из рук лоскут, приложил к лицу. Ах, как сладко пах он лошадьё, травами, дождём! Князь Владимир смотрел на купца, не скрывая усмешки.

– До невесты путь долгонек, а степь – вот она! – он взмахнул рукой. – Твоя Тат исчезла, но имущество сберегла!

– Пусть так. Всё хлеб, – тихо проговорил Твердята. – А ведь обещала стать вечной рабой...

* * *

Они простились на кромке леса и степи. Караван, поскрипывая осями, уходил к горизонту.

– Не держи на меня зла, – проговорил князь Владимир.

– Ты спас меня, – улыбнулся Твердята. – Какие могут быть обиды? Да и Миронег...

– И о Миронеге, – черниговский князь снял шлем, перекрестился, вздохнул. – Слабость. Пагубная ревность. И терпеть его не могу, и убить не в силах божью тварь бессмысленную! Хотя надо бы... А так он сам пропал, да и бог с ним. Но ты уж доставь его в Царьград. Пусть там обретается.

Под копытами их коней шумел-клонился степной ковыль. Ветер давно уж разогнал грозные тучи, просушил травы. А потом снова шёл дождь, и снова влагу сушили ветры. Зажили раны на теле Твердята.

– Миронег, конечно, заноза, но не так уж вреден, раз Господь до сей поры его не прибрал! – Твердята обнажил голову, склонился в последнем приветствии. Он уж повернул Колоса мордой к югу, когда князь Владимир снова заговорил:

– Чует моё сердце, встретишь ты Володаря Ростиславича...

– Ежели встречу – невелика беда, – засмеялся Твердята.

– Невелика? – Владимир Всеволодович устало прикрыл глаза. Каурый конь под ним стоял неподвижно, подобно изваянию.

– Ежели встретишь Володьку-греховодника, – продолжил князь, – то передай ему: пусть идёт в Киев, пусть сложит у Золотых ворот оружие своё и доспех. Пусть бьет челом отцу моему, князю всея Руси Всеволоду Ярославичу. Пусть повинится, и будет прощён. Так и передай.

– Передам! – захохотал Твердыта, пуская Колоса вскачь. – Дело осталось за малым: в степи не разминуться!

* * *

Что за странные дела? Что за чудные наваждения? Зачем и в пути, и на недолгом ночном отдыхе всё думал он о Тат? Зачем, открывая глаза после недолгого, беспокойного сна, каждое утро он надеялся увидеть её шаль цвета сохлой травы? Зачем возил с собой в тороке кусок мягкой, искусно вытканной материи, которым она в последние минуты перед бегством спутала ноги Касатке?

Вьется среди полей стёжка-колея, дурно накатанная, поросшая травой дорога. Бежит она всё время полем, опасаясь проникать в перелески, избегая полумрака дубрав, желая всегда оставаться под открытым небом. Носятся по степи несметные табуны, поднимаются к небесам дымки кочевий. Смуглые, синеглазые пастухи верхом на невысоких, мохноногих коньках гоняют стада с пастбища на пастбище, продают путникам по сходной цене молоко и сыр, и баранье мясо. В этих местах не сеют жито, не возделывают огороды, не созывают церковные колокола честной народ к молитве по воскресным дням. Зато в реках много рыбы, стада степняков многочисленны и тучны. Степняки пекут пресные, плоские, похожие на лунный диск лепешки, ткут разноцветные ковры и не любят подолгу засиживаться на одном месте. Когда над линией горизонта, между пологих увалов возникал тёмный силуэт верхом на печальном верблюде, Твердыта каждый раз присматривался в тайной надежде узнать в одиноком путнике Тат.

– Не сомневайся, Демьян Фомич! – бормотал надоеда Миронег. – Она вернётся, чтобы оросить нас потоками своих благодеяний.

Всё дальше в степь от переславльских рубежей уходит караван. Караванщики и добрая дружина ночуют под открытым небом. Ставят телеги и повозки в круг. Жжёт костры, не спит ночная стража. Смотрят новгородцы в южные небеса, силятся прочесть незнакомый рисунок созвездий. Тёмная степь ночью тиха, пугающе бескрайна. Бродят вокруг Твердытина лагеря осторожные волки, блещут очами, поют звездам свои печальные песни, вступают друг с другом в схватки. Твердыта допоздна не спит, считает и прикидывает. Ещё пять дней пути – и караван достигнет реки Миус, того места, куда к концу лета откочёвывает становище степного воителя, хана Кочки.

* * *

Твердыта часто припоминал тот день. Много раз снился ему впоследствии высокий курган. На плоской вершине кучка грубо вытесанных изваяний – обычное дело для этих мест. Беспокойный Миронег, как обычно, погнал своего мерина на вершину холма. Ледащая скотинка с неохотой взбиралась в гору по тропинке. Твердыта наблюдал за любимейшим родичем черниговского князя, остановив Колоса у подножия холма. Караван медленно втягивался в извилистое русло узкой долины. Дорога петляла между пологими холмами вдоль берега небольшой, безымянной речки. В прибрежных зарослях копошилась какая-то дичь, и Твердыта уже наложил на тетиву стрелу, надеясь добыть по случаю зазевавшуюся куропатку. Мерин Апполинария, дарованный ему взамен утраченного под Переславлем, влёл своего любознательного всадника вверх по склону холма. Изваяния, подсвеченные низко висящим солнечным диском походили на растопыренные пальцы исполинской десницы. Их было ровно пять. Или шесть?

Твердята перестал посматривать на прибрежные кусты, опустил лук и устался на изваяния. Купец снова и снова пересчитывал их до тех пор, пока не углядел быструю тень, мелькнувшую между камней. На вершине холма, между изваяний прятался человек. Невысокого роста, юркий и щедущий незнакомец кутался в плащ. Голову его прикрывали полы башлыка, лицо невозможно было рассмотреть. Твердята пустил Колоса следом за Миронегом. Конь вскоре обогнал мерина и его всадника, вихрем взлетел на вершину холма. Твердята, обнажив меч, соскочил с седла. Изваяния обступили его со всех сторон. Двое мужчин и три женщины. Странные лики чужих людей смотрели на него с разным выражением. Одна из женщин, самая высокая из всех, с длинными косами, обрамлявшими строгое, отрешённое лицо, поразительно походила на Тат. Прямые солнечные лучи падали на лик изваяния, оживляя его. Твердята дрогнул, заслышав слова Миронегга:

– Вот и я непрестанно думаю о ней и молюсь. Не сомневайся, купец, она вернётся к нам...

Апполинарий неловко сверзился с седла, с ленивым изумлением взирая на Твердятин обнажённый меч, и снова заговорил:

– Я видел лазутчика. Сдаётся мне, они не станут нападать...

– Что ты мелешь, Миронег?! – Твердята ходил между статуй, внимательно рассматривая землю у себя под ногами. Но примятая трава не показывала ничьих следов. Ровными жёлтыми прядями она устилала вершину холма. Твердята посмотрел вокруг. Холмы, долины, редкие рощи – всё казалось безмятежно пустынным, нигде не видно было следа человека, не было слышно ни звука. Мычание волов, крики возниц, бряцание сбруи – обычные звуки караванного движения не достигали вершины холма. Твердята слышал лишь завывание ветра да тихое бормотание Миронегга. Прибежал верный Грошутка, да не с пустыми руками – принёс пронзённую стрелой тушку суслика, протянул Твердяте.

– На что мне? – изумился Твердята. – Зачем напрасно убивать бессмысленную тварь? Слава богу, мы не голодаем, чтобы есть такое...

– Посмотри на стрелу, дядюшка! – Грошута потянул за древко и вынул наконечник из мертвого тельца.

Твердята взял в руку стрелу. Серовато-белое оперение, древко выстругано из твёрдого дуба, кованный наконечник с выбитым на нём клеймом-трезубцем.

– Ишь ты! – усмехнулся Твердята. – Почто же киевляне по сусликам стреляют? Нешто так оголодали...

– Далековато в степь зашли, дядя, – Грошутка в тревоге смотрел на Твердяту. – За каким делом и почему скрытно следуют за нами?

– Эй, Миронег! – Твердята обернулся к родичу черниговского князя. Тот привалился спиной к нагретому солнцем боку изваяния. Миронег беззвучно шлёпал губами: то ли молитву творил, то ли пел осанну своей несравненной Тат.

– Поднимайся, курошуп! – Грошутка подскочил к Миронегу, ткнул его носком юфтевого сапога в бок. – Или не слышишь дядин приказ?

– Лаешься, сопливый говнюк... – вяло отвечал Миронег. – Лаешься в священном месте!

– Священное место? – Грошутка гневно вытаращил глаза. – Ах ты, нехристь! Идолское капище священным местом называть!.. Дяденька!..

– Странные это места! Опыяненный соблазном сладострастия, поднялся я на сию гору, готовый предаться языческому культу, дабы воссоединиться с любезной сердцу степной воительницей, коя... – бормотал бессвязно Миронег.

– Оставь его, сынок! Скачи до Каменюки. Передай, дескать, идут за нами люди неизвестные с намерениями неясными. Пусть держит ухо востро.

Грошутка взметнулся в седло, кубарем скатился с холма. Колос последовал за ним степной рысью.

Миронег замыкал сошествие, ведя ледащего мерина в поводу. Борода его шевелилась, румяный рот исторгал странные речи:

– Они нападут... Скоро нападут. Ах, Тат!

Твердята уж и попривык к чудачествам черниговского уроженца, но на этот раз грудь его теснило беспокойство, и он скоро перестал слушать чудные речи. Кто преследует их? Кто в степях близ реки Миус бьет сусликов стрелами, изготовленными мастером на берегу Днепра, на Подоле, в виду киевских стен?

* * *

Той же ночью они подошли совсем близко. Далеко за полночь Твердята всё ещё не ложился. Сопровождаемый Грошутой и полудюжиной вооружённых дружинников, в кольчуге и во всеоружии, купец ходил дозором вокруг лагеря. С заходом солнца караванщики погасили костры. Каменюка роптал, называя это напрасной мерой. А ночь стояла тёплая, ясная, безлунная. Звёзды изливали свой холодный свет на степь, пели цикады, время от времени тревожно вскрикивала безвестная степная птица, да тянули свои заунывные песни волки, да шуршала мурава под копытами коней. Внезапно Твердята заметил движущуюся тень. Что-то блеснуло во мраке.

– Нешто волчара решил пойти так близко? Глянь-ка, Игнашка! Ты доглядчивый... – проворчал кто-то из дружинников.

– Нет, то человек! – отозвался Игнашка. – Смотри-тка! Всадники!

Грошута пустил коня рысью, пытаясь нагнать метущуюся тень. Твердята последовал за ним. Грошута метнул аркан, но промахнулся. Тяжёлая пеньковая петля ударила о металл и соскользнула на землю.

Тьма огласилась отборнейшей площадной бранью.

– Русичи? – рявкнул Твердята. – Если так, то зачем прячетесь?

– А вы кто такие? – спрашивали по-русски, говорили чисто, без запинки.

– Демьян Твердята, знатный новгородец. Веду караван в стойбище хана Кочки.

– Новгородец?! Слава вольным вечевикам! Вам ли преклоняться перед княжьей властью, тем паче перед степняком?! Чем же хан заслужил такую честь у Новгорода? – спросила темнота ехидно.

Но Игнашка уже засветил факел, поднял его над головой. Колеблющееся пламя осветило высоких коней, всадников в широких плащах, островерхие шлемы.

– Вы русичи? – прорычал Твердята. – За каким делом так далеко забрались в степь?

Ответом ему стал гул копыт. Незнакомцы, без лишних разговоров унеслись в ночь.

Следующим утром, выводя караван на дорожную колею, Твердята оставил назади дозорных, а Игнашку посадил на Касатку, настрого наказав следовать сколь возможно скрытно вдоль караванного пути, высматривать и прислушиваться, но самому на глаза не попадаться.

И караванщики, и стража – все надели кольчуги, закрыли броней груди и бока коней. Убрали с телег в торока всё самое ценное. День провели в тревожном молчании, бдительно оглядывая обочины караванного пути. В сумерках их нагнали засадники – молодые ребята, новобранцы из дружины Каменюки. Неслись за караваном запыленным галопом, устали, страху натерпелись. Один из троих оказался ранен, двое других так же едва живы от усталости.

– Они идут следом... – проговорил старший из засадников, падая из седла на руки Каменюке. – Небольшой отряд след в след за нами по дороге... Остальные рассыпались по степи... Русские и другие, белоголовые на низких конях в мохнатых шапках... Лица разрисованы, как у хозяйской рабыни, у той, что сбежала... Их много, хозяин! Нешто задумали напасть?

Твердята пристально посмотрел в глаза разведчику. Бойтся ли? Непохоже!

– Если б хотели напасть – уже б напали, – рассеянно ответил купец. – Эй, Каменюка! До ханского становища остался один переход. Пошли-ка гонцов вперёд. Да снабди, как положено, подарками. Пусть передадут: купец Демьян Твердыта на подходе! Да выстави на ночь двойные дозоры!

Но до заветного становища им не дали дойти. Наверное, и дары, предназначенные хану Кочке, отобрали. Наверное, отняли жизни. Наверное, и кости отрока Грошутки белеют где-то в зарослях ковыля, на берегу безымянной степной речки, ведь не вернулся он к каравану ни в тот день, ни в последующие.

Они окружили лагерь, не дожидаясь, когда караванщики поставят кругом повозки и телеги. Ушастый мерин с Миронегом в седле жался к боку Твердытиноного коня. Каменюка придирчиво осматривал ряды незнакомых всадников, словно к хомутам на базаре приценивался.

Твердыта оценил количество всадников: несколько сотен, большею частью степняки на низкорослых, мохноногих коньках, но есть и воины в лёгком доспехе дружинников русских городов.

– Кто-то из княжеских сыновей со степняками столкнулся, чтобы грабить! – прорычал Каменюка. – Нешто те самые изгой, о которых черниговский князь предупреждал?

За их спинами караванщики сутились, сгоняя тягло в центр круга из телег и повозок. Степняки непрерывной цепью окружили их, но пока не двигались, не сжимали кольцо.

– Почему они не нападают? – спросил Миронег. – Казалось бы, чего уж проще...

– Ждут, – ответил Каменюка. – Им нужно тягло, нужны кони. Они станут щадить коней. Вот и ждут, пока ребята спрячут их за повозками, а тогда... Почём им знать, что кроме скота у нас ещё и богатый товар...

– Тат говорила мне, предупреждала, – Твердыта досадливо скривился. – Ещё перед тем как ей пропасть, говорила, дескать, степняки идут следом! За нами следили ещё на землях Переславля! Нет, не думал я, что решатся напасть...

– Эх, надо ж было её в цепи заковать! – прорычал Каменюка. – Хорошо, хоть кобылку не увела! Да на что теперь эта кобылка! Эх, дожить бы до ночи!

Новгородский воевода оказался прав. Едва лишь караванщики, спрятали тягло, едва лишь сдвинули повозки в правильный круг, степняки начали движение.

Новгородцы встретили их тучей стрел и камней. Эх, не было с ними новгородских отроков Грошутки да Игнашки! Никто лучше них не умел обращаться с пращей! Чего, казалось бы, легче: вложи круглый камушек в верёвочную петлю, раскрути над бедовой башкой, метни в врага да не промахнись. Чтобы попасть метко, нужна особая, немалым трудом приобретаемая сноровка. Грошутка был большой мастер по этой части, да нет его, пропал, сгинул.

Караванщики приняли бой в пешем строю. Стали спинами к телегам, выставив перед собой частокол пик. Изготовились выдержать натиск конницы. Твердыта видел, как их стойкость опрокинула первую, шальную атаку, видел идущих в атаку русичей, их высоких крепких коней. Они-то и сделали возможными и победу, и грабёж, последовавший за ней. Один из коней, исполинского роста, невероятной прыти жеребец, несший на спине достойного себя всадника, ухитрился миновать частокол пик. То ли караванщик дал слабинку, отпустил древко, пал под ноги коню, то ли конь взмыл с разбега так высоко, что перескочил острия пик, не поранив брюха. Видно, Божий промысел был таков: оказаться свирепому бойцу в тележном круге, отбиться любой ценой. Ох, как завертелся его конь! Сразу видно, не в одной схватке принимал участие! Стрелы, копыта, лезвия мечей и сабель отскакивали от его брони. А всадник на его спине крушил всё и вся огромной палицей. Твердыта кинулся на врага, подставил под палицу тяжкий щит, и тот рассыпался в щепы после второго удара. Кованный обруч со звоном упал под ноги коням. Колос оскалился, завопил на противника, вскинул тяжёлые копыта, но вороной враг не отступил, кинулся в схватку, словно в воду, ударил копытами в бок. Колос покачнулся, и Твердыта с немалым трудом стоило усидеть в седле. Кони становились на дыбы,

били друг друга копытами по нагрудникам. Колос ухитрился укусить врага за шею, нашёл же незащищённое место! Тот вскинулся, закричал, как ужаленный, затряс головой. Тут-то Твердята и ударил его всадника мечом поперек высокого шелома. Искорежённый доспех покатился наземь, обнажив голову витязя. Гневно сверкнули на Твердята глубокие чёрные очи. Лицо всадника показалось купцу очевидно русским и смутно знакомым. Черноокий всадник ударил пятками коня, унёсся проч. А Колос завертелся в гуще разгоревшейся схватки. Степные всадники снова и снова накатываясь на цепь новгородцев, разорвали их строй. Схватка превратилась в резню. Запылал войлок, прикрывавший товар на телегах. Падали замертво новгородские дружинники. Твердятин меч оказался унесён степным конём – лезвие застряло меж кольчужных пластин раненного Демьяном Фомичом всадника, но новгородец ухитрился поднять с земли обронённую кем-то булаву. Не успел он нанести и дюжины ударов по головам и плечам, охваченных кровавым азартом врагов, как случилась настоящая беда. Кто-то вёрткий да цепкий, будто репей окаянный или шершень с огромным жалом, вскочил на круп коня, умастился у Твердята за спиной. И как ухитрился-то поранить Колоска ножиком или шильцем? Бог знает! И рана-то пустяковая, но конь обезумел, взвился, запрыгал, как чумовой, скинул с себя безвестного вредителя, затоптал, забил копытами. Твердята, конечно, снова смог в седле удержаться, но булаву потерял. Между тем схватка стала утихать. Новгородцы несли ужасные потери, и степняки не столько уж с ними бились, сколько тушили горевшие телеги, желая завладеть добром. Твердята, едва совладав с конем, принялся оглядываться в поисках товарищей и оружия. Он выдернул из земли потерянную кем-то из караванщиков пику. Неподалёку, на окровавленной траве, он приметил иссечённое ударами тело лесника Силы. Борода его и усы слиплись от кровушки, руки сжимали поверженного врага в последнем, почти любовном, объятии. Лицо и уши степняка были искусаны, изорваны в клочья, на горле, между краем кольчуги и плюгавой бородёнкой, зияла огромная рваная рана. Твердята потянул на себя пику. Древко её оказалось скользким от крови.

– Беги, Демьян Фомич! – услышал он сдавленный хрип. – Добра уж не спасти, но коли жив останешься – ещё наживешь... Беги!

Твердята увидел Каменюку. Тот лежал на боку под одной из телег. Его мёртвый конь был утыкан стрелами и, подобно девичьей игольнице, испустил дух неподалёку. Старый воевода всё ещё сжимал в руке меч, но подняться уже не мог. Из правой его ноги, из раны над сапогом толчками выливалась кровь.

– Я мёртв, Демьян Фомич, – тихо проговорил Каменюка. – А ты спасайся... Спасайся!

Внезапно лицо Каменюки страшно побледнело. Он, будто зачарованный, смотрел куда-то в сторону, мимо Твердята. Купец обернулся, пытаясь проследить его взгляд. Здоровенный детина мчался прямо на него, раскручивая над головой длинную веревку с огромным кованым крюком на конце.

– Спасайся! – из последних сил крикнул Каменюка.

Твердята ударил коня пятками.

– Вынеси, дружок! – тихо сказал он.

Повинуясь воле всадника, Колос петлял по полю, вынося своего всадника из-под стрел. А те металась над их головами, шмыгали справа и слева, утыкались в землю, чиркали по Твердятиным доспехам до тех пор, пока одна из них не вонзилась ему бок, пробив кольчугу. И вроде рана оказалась неглубока и Твердята ухитрился сразу же выдернуть докучливую занозу, но как-то сразу ослабел, совсем темно ему сделалось под небом, да и боль донимала. Сильно донимала! А Колос, казалось, неся по кругу, вдоль замкнутой вереницы врагов, в которой ему становилось всё теснее. Твердята молился. Должны же наконец опустеть их колчаны! Или ослабнут от усталости, сделаются менее зоркими глаза. Внезапно Твердята снова увидел могучего витязя на огромном коне, и снова тот нёсся прямо на него. И в руке его снова была огромная палица, и мятый шлем венчал голову. Вот он пронёсся мимо, едва не задев его стремя

своим, но у Твердыты хватило сноровки уклониться от страшного удара, упав навзничь на круп коня. Стеснённый страшной болью в боку, утративший ловкость, он едва не свалился под ноги коню, а тот, почуяв слабость всадника, замедлил бег, заржал тревожно. Твердыте удалось распрямиться в седле. Рана мешала занести меч, отдаваясь болью в правой руке, и он переложил оружие в левую. Глядь, а витязь снова скачет на него, заноса для удара оружие. Перед тем, как принять страшный удар, Твердыта узрел серебристый размах крыл, услышал треск и клекот. Словно прозвучал из поднебесной выси печальный зов:

– Тат! Тат! Тат!

* * *

Долго длилась ночь. Твердыта силился поднять руку, осенить себя крестным знаменем, желая просто удостовериться, что ещё жив, и не мог сотворить этого. Он не мог двинуть и ногой, не мог повернуть голову. Каждое движение его век, не поминая уж о конечностях, сопровождалось страшной болью. Он хотел стонать, но и стон причинял ужасные мучения. Его мучила жажда, и он умолял утолить её. Тогда кто-то приносил ему питье и поил его, приговаривая на чистом русском языке:

– Пить тебе позволительно, Демьян Фомич, потому как брюхо у тебя не распорото. А вот башкой вертеть не стоит, потому как она оглоушена. Ишь рожа-то... Ну да ладно... Ах, голова – она, как известно, всему голова, но сердце важнее, а уж душа-то... ну а брюхо...

Незнакомец пускался в длинные рассуждения о различных частях человеческого тела, особое внимание уделяя душе и той части тела, кою он неизменно именовал «брюхом и всем, что в нём, и всё, что ниже». Твердыта полюбил звучание этого голоса. Оно было так же сладостно, как звучание хора на клиросе в новгородской Святой Софии. Слушая голос, он забывал себя, погружаясь в вязкое небытие. Кто он есть? Сильный муж, умудрённый опытный боец, тороватый торговый гость, он любил женщину странную, неземную, золотоволосую, со странными серыми глазами, молодую, набожную. ...Да-да! Когда-то, наверное, и она была молода, но ныне... Сколько же времени минуло с того мига, когда он стал куском стенающей плоти? И вроде жив ещё, но жизнь опостылела ему. И нет ничего в его жизни – ничего, кроме певучего, ласкающего голоса да неотвязной боли. Бесконечно долго он пытался заговорить, произнести хоть единое слово человеческой речи, которую до сих пор помнил, но язык плохо повиновался ему. Он силился произнести имя любимой женщины или помянуть давно умершую мать, но не мог совершить и этого. Шло время, и он стал испытывать жгучий голод. Тогда, преодолев страшную боль, он разомкнул губы.

– Еда... пища... – прошептал он.

– Из пищи Бог послал одну лишь репу, но её тебе не разжевать, потому как больше нет у тебя зубов, – ответил ему голос. – Но если брюхо требует – я постараюсь помочь.

Вскоре незнакомец принялся кормить его странной кисловатой кашицей. Едва живому Твердыте еды потребовалось немного, и вскоре он, насытившись, снова впал в дурнотное полузабытьё. Во всё время беспокойного, наполненного болью сна, он слышал голос своего доброго товарища. Голос складно произносил все слова, знакомые, затверженные смолоду на память. Слушая их, Твердыта испытывал странное облегчение.

– Кто ты? – силился спросить Твердыта и, наверное, спросил, потому что незнакомец ответил ему.

– Я-то? – голос усмехнулся. – Я хорошо знаком тебе, купец Демьян Твердыта. Я многогрешный черниговский уроженец – Миронег, крещённый Апполинарием.

– Почему же ты не можешь добыть еды? – собрав последние силы, спросил Твердыта.

– Потому как переломаны обе мои ноги, – толково ответил Миронег. – Сбросил меня наземь проклятуший мерин. Трусливый одр испугался криков одичалых степняков и поскакал

так прытко, что я выпал из седла. Да потом ещё потоптали меня вражеские кони. Хорошо хоть надоумил Господь прикинуться мёртвым. Не то потащили бы в полон как есть, с переломанными ногами, или хуже того: закололи бы, побрезговав моей увечностью.

Ещё долго говорил Миронег, бормотал молитвы, пел псалмы. Мало что не весь часослов знал назубок родич черниговского князя. Время от времени Миронег, истошно стеная, уползал куда-то. Бывало, он отсутствовал подолгу. Тогда Твердята испытывал страх, великий, всеобъемлющий, такой, что заглушает любую боль. Да и боль с течением времени немного припустилась и из Божьей кары превратилась в досадную, вечно ноющую доuku. Твердята снова, в который уже раз, попытался открыть глаза. На этот раз его попытка не оказалась тщетной – он увидел синее, испещрённое белыми барашками облаков небо, полузакрытое густой сенью невысокого деревца. Где-то неподалёку текла вода. Чутким слухом Твердята внимал её плеску. Он пытался повернуть голову, страстно желая узреть своего товарища, Миронегу. Попытка оказалась тщетной. Стоило лишь немного шевельнуться, как острая, раскалённая докрасна спица вонзилась ему в макушку. Боль пронзила его насквозь, достигнув пяток, и не думала униматься. Пытка! Неужто его пытаются? Твердята застонал, но ему достало мужества не сомкнуть веки. Тут же синий свод небес закрыло страшное, покрытое успевшими пожелтеть кровоподтёками лицо. Ощипанная, побуревшая и слипшаяся борода, осунувшееся, искажённое гримасой боли лицо. Левое ухо Миронегу повисло до самого плеча гнилым капустным листом.

– Капуста!

– Подышать скоро начнём, старинушка, – борода раздвинулась, явив взору Твердяты кровотокающие десны.

– Ты почитай, милостивец...

– Я почитаю, а пока... – он внезапно умолк, а Твердята лежал себе тихо, перемогая боль и надеясь, что товарищ его безотлагательно примется за часослов. Внезапно свет дневной померк. Но теперь Твердята знал, что это не слепота. Просто Миронег прикрыл ему лицо. Но зачем?

– Давай-ка возблагодарим друг друга, купец, – проговорил Миронег, и Твердята как-то понял, что тот морщится от боли, что и Миронегу ныне солоно. – Давай покаемся и попросим прощения. Молчишь, купец? Эй, не молчи!

И Миронег потряс Твердяту за плечо. Тот застонал тяжело, шевельнулся, отозвался.

– Да за что благодарить-то? Перед кем каяться?

– Друг друга благодарить! Друг перед другом каяться! – горячо зашептал Миронег. – Посмотри: голая степь кругом, ни жилья, ни кустика. Всё мертво, и мнится мне, будто и я сам уж мертв. Но лишь склоню голову к земле, тотчас слышу странный гул. Только начну забываться сном, а гул вот он: тут как тут. Я тогда я разумею: не мертва степь! Есть ещё надежда. А как ночь настанет, смотрю на звездное небо, потому что звёзды – светильники Господни, вот они, со мной.

– Скажи мне, что со мной? Почему я почти ослеп? Почему руки не могу поднять? – прохрипел Твердята.

– Всё в руках Божьих, – отозвался Миронег. – У меня переломаны ноги. Да так, что не подняться, ни ползти, уподобившись ужу, я не могу, а у тебя...

– Ну?!

– Лицо... Он задел тебя палицей, но не сильно. Немного лишь закровянилось, а так... Ничего, всё в руках Божьих...

– Что ж не говоришь больше? Страшен я?

– А я прикрыл тряпицей, да и не вижу. Да и не страшно мне потому!

– Я умираю, Миронег, – прохрипел Твердята, из последних сил стараюсь удержать сознание. – Читай отходную, если способен. Ох, и надоел же ты мне! А когда последний раз про-

пал возле Переславля, я уж Господа возблагодарил. Думал, сгинул ты сам собой и не придется более утруждаться, тебя из беды выручая... Ты прости меня, прости...

– Ишь, разговорился! Лежи тихо и слушай...

Миронег помолчал, раздумывая. Потом склонился к уху Твердыты и зашептал едва слышно:

– И ты прости меня, Демьян Фомич! Непотребный я раб, ни для какого дела не потребный. Горький я пьяница и волокита. Только лишь и умею, что манускрипты разбирать. В любой язык сей час проникну и прочту, и речь пойму, и переведу с любого языка на любой. А если уж попадётся мне в руки Евангелие...

* * *

Так бубнил Миронег, стараясь шептать как можно тише. И хоть горло его иссохло без воды и чрево слиплось от голода, зато боль в искалеченных ногах поутихла. Не следствие ли это усердных молитв? Тогда он решил прочитать отходную по Демьяну Твердыте. Старался не упустить не единого стиха. Уже плохо полагаясь на угасающую память, он по два раза повторял каждый стих, всякий раз крепко задумываясь, прежде чем перейти к следующему. Потом Миронег накрыл лицо новгородца полой окровавленного кафтана, почитая купца мёртвым, да и сам приготовился встретить христианскую кончину. Миронег лёг на спину, глянул в вечернее небо и снова услышал дальний гул, словно кто-то усердно колотил в земную твердь тысячью молотов.

А потом пришли волки. Миронег сквозь дурман полузабытья узрел их горящие очи и не сумел испугаться, не совершил ни единой попытки защитить ускользящую жизнь. Звери ходили кругами, и Миронег обострившимся чутьем слышал их звериный запах, слышал, как стучат по сохлой земле их когти.

– Хватай за горло, степная тварь, – смиренно попросил он. – Смиловисься, хватай так, чтобы сразу дух вон. О Господи, помилуй мя! Нет уж сил терпеть адские муки! Если уж суждено быть степным зверем сожранным, так лиши сначала света разума, а потом уж пусть угрызает зверь плоть мою!

– Тат! Тат! Олег! – услышал он человеческую речь, и голос оказался подобен гулу дальнего набата. – Щи дэж никуэ!

– На каком наречии ты разговариваешь со мной, Господи? – изумился Миронег. – Крещён-то я был именем святого великомученика Апполинария. Так почто величаешь мя варяжским именем Олег?

– Господь твой не слышит тебя, – был ответ. – Зато я за много фарсахов⁷ слышу твоё нытьё, Аппо!

– Тат! Тат! Тат! – звали голоса.

Земля сотрясалась под ударами молотов, которые, казалось, были теперь совсем рядом, и Миронегу почудилось, будто пустая степь возжелала стряхнуть его со своей груди. В воздух взвились клубы праха, пыль попала Миронегу в нос, он чихнул, ахнул от боли. Попытался убраться подальше, улезть в заросли бобыльника. Он снова испытывал позорнейший, цепенящий страх.

– О, Боже! Спаси и сохрани непутёвого раба Твоего, жалкого труса Апполинария!

---

⁷ Фарсах – мера длины у хазар, равная предположительно 5000 м.

* * *

Его кулём положили поперёк седла. Вот это по-настоящему нестерпимо! Едва лишь конь тронулся с места, едва лишь он совершил первые шаги, невыносимая боль выбросила Твердыта в небытие, в чёрную пустоту, где он блуждал, одержимый мучительной жаждой отыскать потерянного себя. Он шарил руками в бескрайней черноте, но руки плохо повиновались ему. Он пытался кричать, но горло его не могло исторгнуть ни единого звука. Наконец, когда он почти уж отчаялся снова обрести тварный мир, небытие кончилось. Безвременье разбил узкий солнечный луч, нечаянно упавший на его лицо. Узкий лучик света сначала прыгнул ему на лоб, потом больно ущипнул за правое веко, заставив плотнее прикрыть глаза. Потом на подбородок и на грудь, а потом и вовсе исчез, оставив вместо себя темноту. Так Твердыта заново обрёл тело, которое нестерпимо болело при каждом движении. Так Твердыта заново обрел вселенную: кошма из грубой шерсти – под ним, купол шатра с дыркой посередине – над ним. Вот и вся вселенная. Мирозданье населяли маленький лучик и очень большой человек. Оба насельника являлись к нему ежедневно, принося заботу и сострадание.

Большой человек, тихонько напевая, ворочал Твердыту, причиняя ему невыносимую боль. Твердыта плакал и ругался. Тогда большой человек принимался петь громче, и звонкий, чистый голос его заглушал стоны раненого. Твердыта говорил ему, что поднимется сам, и он пробовал приподняться, но нестерпимая боль снова и снова останавливала его, вынуждая смиренно опускаться на кошму. Большой человек менял примочки у него на лице, перевязывал раны на теле. Прикосновения его были подобны трепетанию крыл мотылька, но и они причиняли ощутимую боль. Твердыта терпел всё, сцепив зубы. А потом большой человек уходил, а Твердыта, пользуясь его отсутствием, внимательно изучал свою обитель.

Он хворал в небольшом шатре – пирамиде из плотного войлока, натянутого на каркас из длинных жердин. В центре сооружения располагался очаг. Большой человек каждый вечер разводил в нём огонь. В ногах Твердытинога лежа стоял большой глиняный жбан, служивший отхожим местом для хворого. В шатре всегда было так пусто, темно и тихо, словно он стоял посреди безлюдной пустыни. А порой Твердыте грезилось, будто шатер стоит на плоту, который медленно плывет по волнам, вдали от берега, в открытом море. Но почему тогда он не слышит плеска воды? Почему не чует солоноватого аромата морских ветров? Твердыта распахивал глаза, смотрел, стараясь не ворочать больной головой. Далеко в вышине там, где смыкались жерди, составлявшие скелет шатра, где зияло отверстие для выхода дыма, там серело небо. Твердыта мог не поворачивая головы, а значит, не испытывая боли, невозбранно смотреть туда, в любое время дня и ночи. Там дышало небо, там постоянно всё менялось. Иногда через отверстие сеял дождичек. В строго определённое время и ненадолго, в шатер впрыгивал одинокий солнечный луч. И он радовал Твердыту. В остальное же время под пологом шатра царил благодатный полумрак. Ах, как хорошо! Належался Твердыта под палящим солнцем. Довольно!

Они понимали друг друга, не прибегая к словам человеческой речи. Целитель – так именовал Твердыта большого человека в своих мыслях и молитвах – смотрел в его лицо, кивал, и взгляд его, в зависимости от обстоятельств, становился то весёлым, то озабоченным, но никогда его лицо не искажал испуг, целитель не умел хмуриться. Он был велик, он был огромен – много выше и шире, чем сам Твердыта. Но двигался легко и обладал завидной ловкостью. Время от времени большой человек брил Твердыте усы и бороду обоюдоострым ножом, причиняя невыносимые страдания. Вскоре новгородец научился отсчитывать дни. От одной пытки обоюдоострым ножом до другой проходило никак не менее седмицы.

Большой человек оказался чрезвычайно любознателен и смекалист. Он пытался расспросить Твердыту и заговаривал с ним на разных, не известных тому наречиях. Твердыта отрица-

тельно качал головой. Не понимаю, дескать, и прикрывал глаза. Большой человек уходил и возвращался. Он снова и снова заговаривал со своим подопечным, и однажды Твердыта понял его вопрос.

– Ты лесной человек? – коверкая слова, спросил целитель.

– Что? – изумился Твердыта.

– Ты жил в лесах? В большом шатре, сложенном из бревен. Ты жёг лес и пахал землю, а когда она переставала давать пищу, бросал то место. Ты разбирали свой шатер из бревен и уносил его с собой в другой лес. И снова жег, и снова пахал...

– Нет...

– Тогда, ты каменный человек? Каменные люди живут в тесноте, прячась за высоким частоколом или хуже того – за каменными стенами...

– Да...

– Меня зовут Буга. Я – воин, я – знахарь, я – внук правителя этих мест.

– Княжич? Ханский отпрыск? – Твердыта приподнялся было, но боль, как обычно, не пустила его. Твердыта скривился. Буга улыбнулся.

– Хан Кочка – мой дед, владеет многими стадами, многими женщинами. У него семь раз по семь и ещё раз семь сыновей и дочерей. У него семь раз по семь и ещё раз семь раз по семь, и ещё раз четыре внука. У него неслучайно стада, у него немеряно земли. Но он хочет ещё больше. Хан Кочка – мой дед – великий человек!

И Буга снова улыбнулся. Твердыта, не скрывая изумления, смотрел на целителя. Порой лицо его казалось новгородцу чрезвычайно молодым, почти юношеским. Но когда Твердыта прикрывал глаза, силясь без стога перетерпеть боль врачевания, тогда целитель виделся ему взрослым, умудрённым многими испытаниями человеком, таким, как сам Твердыта. Наконец новгородец решился спросить:

– Сколько тебе лет, Буга?

– Миновало двенадцать и ещё три весны с той поры, как мать родила меня, – гордо отвечал Буга. – У меня есть четыре сестры и брат. И все мы – потомки великого хана Кочки! Моя мать говорит – скоро ты встанешь. Скоро пойдешь. Скоро мир увидит тебя обновлённым.

* * *

Сколько времени прошло, прежде чем телесная боль, отступив, дала Твердыте возможность вспомнить о важном, вспомнить о Миронеге? Это случилось уже после того, как он смог покинуть шатер и увидеть мир вне войлочных стен. Там ширилась степь, там дымили костры кочевья, там бродили овцы, и носились по ковылям кони. Орда готовилась к откочёвке на зимние пастбища. Мир вокруг шатра ожил, возопил блеянием, ржанием, лаем, колёсным скрипом и щёлканьем бичей.

Буга уложил Твердыту на большую, запряжённую печальными волами повозку, сам взобрался на большую рыжую верблюдицу. На передке телеги уселась высокая, хрупкая девушка. Её темные волосы были заплетены в пять кос. Твердыта снова и снова пересчитывал их до тех пор, пока юная возница не обернулась. Твердыта дрогнул, увидев её иссечённый шрамами лоб и щеки.

– Тат... – тихо прошептал он.

Улыбка девочки оказалась внезапной, открытой и мимолётной, как тот солнечный луч, что иногда скрашивал его одиночество в шатре.

– Где мой товарищ? Где Миронег? – тихонько прошептал Твердыта.

Девушка снова улыбнулась и ничего не ответила.

* * *

Вечерами большой Буга покидал своё место между горбов верблюдицы, чтобы напоить Твердыту целебным отваром. Потом они укладывались спать под открытым небом, на остывающей земле, прижимаясь к теплым бокам верблюдицы. Вокруг них, всюду, сколько мог видеть взгляд, мерцали костры кочевий, слышалось блеяние овечьих стад. Время от времени земля начинала дрожать под ударами копыт. Порой всадники проносились совсем близко от их кострища. Тогда Твердыта крепче прижимался к надёжному боку верблюдицы. Он всё ещё чувствовал себя хрупким и беззащитным.

* * *

По мере того как телесные муки оставляли Твердыту, он всё чаще стал вспоминать об утраченной жизни, о златогривом Колосе, о белых стенах Новгорода и садах Царьграда, где всё ещё ждала его Елена. Порой, давая волю малодушию, он принимался плакать. Слезы обильно струились по его щекам. Он утирал их подолом рубахи, сшитой из тонкого шерстяного полотна густого охряного цвета. Он трогал своё лицо и обнаружил, что нос его скособочился на сторону, губы разбиты, а щека и лоб все покрыты жёсткой коркой заживающих ран. С той стороны, куда пришёлся косою удар палицы, во рту не осталось передних зубов, но Миронег зря говорил, что теперь зубов нет совсем. Буга больше не подвергал его пытке обоюдоострым ножом, но молодая, только начавшая отрастать борода пока обещала стать такой же густой и красивой только на той части лица, которая осталась более-менее целой.

Колеса повозки катились по гладкой, как стол, степи. Рощи и перелески остались на севере. Твердыта всё меньше времени проводил в полузабытьи, но не ехать верхом и идти следом за повозкой пока не мог. Да и жизнь его не сделалась легче. Терзания телесные сменились ещё более жестокими муками. Воспоминания неотступно следовали за ним, цепляясь за борта повозки. Он вспоминал белые стены Новгорода и товарищей-купцов, бухту и сады Царьграда, сладостный звон фонтанов, выложенные жёлтым камнем дорожки, тяжёлое золото волос Елены. Отважного Колоса вспоминал он. Что случилось с верным товарищем? Куда сгнули его дружинники? Тоска, неизбывная тревога, жгучая вина вгрызались в его тело, мешая дышать. Сердцу становилось тесно в груди, он хватал изуродованным ртом воздух. Возница оборачивалась, смотрела на него с насмешливой жалостью. Она подзывала Бугу, и тот поил Твердыту горьким отваром, дарующим недолгое забвение.

– ...Объяли меня воды до души моей, бездна заключила меня; морскою травой обвита была голова моя. До основания гор я низошёл, земля своими запорами навек заградила меня. Но Ты, Господи Боже мой, изведёшь душу мою из ада. Когда изнемогла во мне душа моя, я вспомнил о Господе, и молитва моя дошла до Тебя, до храма святого Твоего. Чтущие суетных и ложных богов оставили Милосердного своего, а я гласом хвалы принесу Тебе жертву; что обещал, исполню: у Господа спасение!⁸... – бормотал Твердыта спасительные слова, снова и снова пересчитывая косы на спине юной возницы.

– И сказал Господь киту, и он изверг Иону на сушу... – эхом отозвался знакомый голос.

Твердыта обернулся. Миронег восседал между горбами молодого и довольно ретивого верблюда странной, тёмно-серой масти. Зверь с любопытством посматривал на сыромятный пояс, подаренный Твердыте добрым Бугой, и торопко перебирал двупальными ногами, готовясь догнать унылых волов. Следом за Миронегом на другом верблюде следовала юная, но хорошо

---

⁸ Твердыта цитирует Ветхий Завет, Книгу пророка Ионы.

вооруженная воительница. При ней были не только лук и полный колчан стрел. На боку её верблюда Твердыта с изумлением заметил и упрятанную в сыромятный чехол палицу, и саблю в красиво изукрашенных ножнах.

– Тат! Тат! – прокричала юная возница на передке повозки, и волю зашагали быстрее.

– Инда и я ожил! – запинаясь, проговорил Миронег, угрожающе раскачиваясь между горбов верблюда. – Инда догнали мы вас! А виной всему маленькая Кучуг. Как начала хворать, так мы с милостивой хозяйкой усердно стали молиться. Я, как положено, Господу нашему Христу и его матери Пречистой деве, а Тат – своим богам...

Миронег ещё долго трещал, подобно назойливой степной птице, что начинает разговор с восходом солнца, а заканчивает в глубоких сумерках. Иногда он, словно блаженный, принимался лепетать невпопад, но именно его лепет стал особенно сладок для ушей Твердыты.

– Врачевание часто причиняет большие страдания, нежели самая болезнь. Но выбор есть: можно подвергнуться врачеванию, дабы изгнать болезнь. А можно поддаться болезни, дабы избежать страданий.

– Напрасных страданий... – тихо отзывался Твердыта, прикасаясь к своему изуродованному лицу.

– Все в руках Божьих! – весело обещал Миронег. – Ему лишь одному ведомо, какие страдания напрасны, а какие ведут к достижению цели. Надейся, Твердыта, и силы души твоей окрепнут. Верь – и по вере тебе воздастся!

* * *

Они неуклонно двигались на юг. Снимаясь с ночного отдыха, возница всегда направляла волов чуть правее диска восходящего солнца. Лицо возницы покрывали узоры, сотканые из искусно нанесенных шрамов и татуировок. Они точь-в-точь повторяли узор на лице её матери. Возницу звали Степь, но её младший брат называл её на свой лад.

– Жази! – кричал Буга, вспрыгивая на спину верблюдицы. – Твои косы, словно струи рек, что питают Русское море⁹, очи твои, Жази, подобны звездам, что освещают степь ночью, стан твой подобен лозе, что растёт в греческих садах по склонам зелёных гор.

– Не хитри, Буга! – Жази оборачивалась к нему, и медные колокольцы, вплетённые в её косы, мелодично звенели. – Сколько меня ни хвали – не отдам тебе свой новый пояс! Да и не сойдётся он на твоём чреве! О, Буга! Мой стан подобен лозе, зато твой сравним лишь с вековым дубом, что растёт в северных лесах!

К исходу осени они приблизились в берегам Понта. Соседство большой воды стало ощущаться повсюду. Задули влажные ветры, ночи сделались теплы, а полудни прохладны.

Однажды утром юная возница повернула волов мордами на восток, и Буга с его белой верблюдицей уставились ореховыми глазами на алый диск восходящего солнца. Твердыта приуныл было, но вскоре покорился своей участи. Болели его едва успевшие срастись кости, саднили и чесались едва зарубцевавшиеся раны, ныла одинокая душа. А может, благо в том, что затеряется он малой песчинкой в бескрайних степях? Может, и по справедливости решилась его судьба? Пусть пропадет он в бескрайней степи, пусть вороны расклюют его тело!

* * *

Они явились одновременно: Тат и морской простор. Жази вывела их на берег поздним вечером. Затянутое облаками небо слилось с морем, и усталым глазам Твердыты невозможно

---

⁹ Чёрное море.

стало различить кромку прибоя. Но море было совсем рядом. Пологие волны облизывали берег, и он мог ясно расслышать их ровный говор. Ту ночь он провёл без сна, прислушиваясь к ропоту волн, мечтая о вольном плавании по горько-солёной воде, о силе и свободе. С наступлением рассвета Жази не торопилась впрягать волов в повозку и Твердята смог подойти к кромке воды. Он сделал первые самостоятельные шаги за долгие недели, прошедшие с той страшной ночи, когда его лицо соприкоснулось с палицей неузнанного им воителя. Мирозданием давно уж правила осень, с моря задувал свежий ветерок. Ощущая предательскую слабость в теле, Твердята пытался противостоять его порывам. Он жадно вдыхал солёный воздух, стараясь не думать ни о возможных превратностях дальнейшего пути, ни о его неведомой цели. Море и степь. В их бесконечных пространствах он смог бы навек затеряться, пропасть, сгинуть. Он и не заметил, как Миронег и Жази спешили и стали рядом с ним. В этот миг он ощутил себя воскресшим Ионой, побывавшим в чреве кита и сумевшим с Божией помощью выбраться наружу.

Тат явилась после полудня. Она ловко сидела в седле низкорослого мохнатого конька. За спиной её, накрепко привязанная к материнской спине широким куском полотна охряного цвета, сидела девочка лет пяти. Смуглые её щеки покрывал яркий румянец, синие глаза задорно блестели. Лошадка выступала гордой поступью, двигаясь во главе длинной вереницы верблюдов, каждый из которых был нагружен окованными железом коробами. На некоторых из них сидели смуглолицые люди в длинных, закрывавших ноги одеждах. Каждый из них носил железный ошейник и железные же поножи, соединённые друг с другом цепью. За вереницей верблюдов следовало большое стадо овец, с круторогим козлом во главе и в сопровождении нескольких собак, видом и повадкой чрезвычайно похожих на волков. Позади овечьего стада ехала ещё одна девочка верхом на длинноухом муле. Следом за длинноухим мулом шли пешие рабы. Женщины несли за плечами маленьких детей, мужчины несли на головах поклажу. Твердята уставился на них в немом изумлении, словно они были видением иного мира. Он пытался найти среди рабов, следовавших за длинноухим мулом, знакомые лица. Но ни во взглядах невольников, отуманенных усталостью, ни в их лицах, ни в одеждах он не усмотрел знакомых черт. Одна девчушка, ехавшая поверх вьюков на одном из верблюдов, заметила его пристальное внимание, перепугалась, закрыла лицо линялым покрывалом. Твердята с ужасом заметил, что дитя плачет, стараясь укрыться от его взгляда.

– Нешто страшен я? – пробормотал Твердята.

– Да уж, как есть – образина. По-другому не назовешь, – с удовольствием подтвердил Миронег. – А был детина хоть куда! Красив, благолепен ты был!

Твердята снова заплакал, подобно напуганной юной рабыне, навзрыд. Наездница, ни слова не говоря, повернула к нему своего лопухого скакуна. Она склонилась с невысокого седла, протянула ему мех со сладким питьем, дождалась, пока Твердята утолит жажду. Потом порылась в седельной суме, достала небольшую, расшитую шелками шаль с синей бахромой. Молвила кротко:

– Возьми! Прикрой голову. Оставь открытыми лишь глаза, ибо они красивы. Пусть красота платка заменит красоту лица.

Долго Твердята не мог отвести глаз от лица юной наездницы. Разительно схожее и с лицом Тат, и с лицами сестер, оно блистало ослепительной красотой. Золотистые волосы девушки блестящим нимбом обрамляли нежный лоб, фиалковые, как у матери, глаза смотрели ласково из-под сени пушистых ресниц, мечтательная улыбка не сходила с полных губ. Твердята задохнулся. Могло ли такое создание родиться в диких степях там, где ночами воют волки, а днём нещадно палит солнце или дуют ледяные ветры?

Тут и Жази приблизилась к нему, помогла повязать как надо сестрину шаль, проговорила с усмешкой:

– Моя сестра родилась двенадцать вёсен назад. Тогда и я, и моя мать были очарованы её красотой и благонаравием. Мы нарекли её Баал – Мёд.

Позвякивали на сундуках латунные замки и скобы, гулко звенели колокольчики на шеях верблюдов, блеяли овцы, собаки смотрели по сторонам внимательными ореховыми глазами. Самая большая из них звалась Олегом. Именно так окликнула её младшая из девочек – та, что ехала в одном седле с Тат. Огромный, устрашающего вида Олег обогнал подопечное стадо. Не один раз он останавливал тяжёлый взгляд на Твердыте и Миронеге, но в те дни овцы являлись главной его заботой.

* * *

Твердыта нашёл в себе силы спуститься по крутому откосу к самой воде. Он провёл на прибрежном песке остаток дня, в то время как его спутники разбивали на берегу шатры, резали к ужину барана. На закате Буга пришёл за ним, увел с берега, помог расположиться на ночлег. Твердыта не захотел ночевать под пологом шатра, он улёгся под повозкой Жази.

Его напоили тёплым отваром, накрыли кошмой. Он смотрел на пламя костра, наблюдал, как Жази готовит странное кушанье степняков. Она вырыла в земле неглубокую яму, выложила её камнями, порубила баранью тушу на большие куски. Часть отдала матери, а остальное сложила в яму. К ней подошла вторая дочь Тат, вооружённая огромным луком и саблей воительница лет пятнадцати. Сородичи называли её Ёртим. Она-то принесла большую корзину кизяка, которым закрыли яму. Кизяк подожгли, сели вокруг костерка коротать время за разговорами. Все они: огромный кроткий Буга с едва пробившейся бородой, ясноглазая сильная Ёртим, маленькая хохотушка Кучуг, сладкоголосая красавица Баал и, наконец, старшая из всех – суровая, надёжная Жази. Тат достала из складок одежд свою неразлучную дудку. Она играла тягучую, плавную мелодию. Буга запел, Кучуг и Баал поднялись было с мест с явным намерением танцевать, но мелодия показалась Баал слишком уж печальной, не подходящей для танцев, и девушка принялась уговаривать мать сыграть что-то повеселее. Тогда Буга вспрыгнул на повозку. Он недолго разыскивал среди нехитрых пожиток большой, обтянутый верблюжьей кожей барабан. Буга отбивал ритм, а девочки плясали. Твердыта ясно видел их очертания на фоне ярко тлеющего костра. Охряного цвета шали, расшитые незнакомыми узорами полы одежд и длинные косы, метущиеся в танце. Барабан гремел всё громче, ему вторила дудка. Из темноты на свет костра вышел огромный Олег. Пёс улёгся неподалёку от Твердыты, рядом с тележным колесом. Блики костра играли в его тёмных зрачках. Две остромордые суки бродили неподалёку. В темноте горели их глаза. А ритм танца всё нарастал, наконец маленькая Кучуг, совершив головокружительный прыжок, перевернулась через голову. Жази и Ёртим восторженно закричали, а огромные ручищи Буги принялись извлекать из барабана гулкие, рокочущие звуки, подобные гулу каменной осыпи. Вскоре Жази и Ёртим присоединились к танцу. Они кружились вокруг костра под звуки барабана и дудки, а могучий Олег спал, привалившись лохматым боком к колесу, и влаивал во сне.

Глубокой ночью, когда огни становища погасли, когда повсюду распространился сладостный аромат печёной под кизяком баранины, Твердыта слышал тихие разговоры женщин, устроившихся для сна в телеге.

- Мама, ты всё уладила? – спрашивала Жази.
- Да, дочь. Но пришлось оставить маленького Карамана твоему деду в залог.
- Племени Шара нужны новые воины, – задумчиво произнесла Жази.
- Я последую своему предназначению и воле богов, – глухо отвечала Тат. – Спи дочь, скоро рассвет.
- Что будет дальше, мама? – не унималась Жази.
- Вы будете зимовать рядом со становищем вашего деда. Он подыщет для вас достойных женихов. А мы с Бугой отправимся дальше по пути преданного странника.
- Что ты говоришь, мама! – вступила в разговор Ёртим. – Деяна предали?

– Тс-с-с! – проговорила Тат. – Спите, дети, скоро рассвет.

* * *

Едва лишь забрезжил рассвет, Твердята снова отправился на морской берег. Он закутал исхудалое тело в плотную кошму, покрыл голову дарёной, отороченной лисьим мехом шапкой, закрыл лицо синей шалью Баал и спустился по крутой тропе на песчаный берег. Твердята расположился под обрывом, выбрав местечко, не доступное для прибоя. Море пестрело белыми барашками пены. Оно казалось таким же серым, как и небеса над ним. Над водой вились, скручиваясь в спирали, пряди снегопада. Твердята долго следил за ними, мечтая узреть сквозь снежную пелену случайный парус. Но море оставалось пустынным. Кому же взбредёт в голову плавать по большой воде зимой? Но он слушал пение волн, припоминая ночные песни родного становища. Родного? Ему мечталось затеряться в степях, уплыть за море в неведомую Персию или ещё дальше, в Сирию, в Магриб! Чистое видение девы ещё раз явилось ему, и он заулыбался, ловя изуродованным ртом бегущие по щекам слёзы. Наконец он закрыл глаза, желая снова уснуть, но свежий морской ветерок засовывал ледяные пальцы под кошму, не позволяя погрузиться в дрему. Внезапно вдали, там, где серый горизонт сливался с водной гладью, блеснула синяя искра. Твердята потёр кулаками глаза и снова уставился на горизонт. Снежная пелена распахнулась, обнажая перед ним серый простор, усеянный белопенными бурунами. У самого горизонта между пологими волнами мелькал синий парус. Твердята вскочил, сбросил с плеч кошму, сорвал с лица платок.

– Парус! – закричал он. – Смотрите: парус!

– Вижу! – отозвался ему девичий голосок. – Зачем кричишь? Прикрой тело, ты ещё слаб!

– Не хочу! Не хочу сидеть на берегу! – по лицу Твердята снова бежали слёзы. – Хочу на море, чтобы над головой хлопал парус!!!

Впервые за долгие недели он смог выговорить так много слов, да на чужом языке, на языке степняков!

Он побежал к кромке воды. Волны прибоя накатывались на него, едва не сбивая с ног. Ледяные ласки морской воды помогли Твердяте опомниться. Он обернулся и оказался лицом к лицу с Жази. Она и всё её сестры, включая маленькую Кучуг, прижатую шалью к спине Ёртим, спустились на берег. Жази поманила его, указывая вверх, на плоскую вершину прибрежного утёса. Там стоял, потряхивая гривой, невысокий мохноногий конь.

– Это Волк, – проговорила она. – Хороший степной конь. Наш род дарит его тебе.

– Он улыбается, – проговорила Жази.

– Он говорил с нами на нашем языке, – отозвалась ей Баал.

– Он перестал быть бессловесною тварью, – подтвердила малютка из-за плеча Ёртим.

Только Ёртим промолчала. Твердята заметил, как она отвела взгляд, и как исчерченное шрамами лицо Жази исказила мимолетная гримаса жалости, и как маленькая Кучуг утыкалась крошечным носом в спину сестры, чтобы не видеть Твердятинога лика. Только прекрасное лицо Баал оставалось безмятежным. Юная красавица оказалась слишком добра.

* * *

Когда они поднялись на вершину обрыва, Твердята обнаружил, что сборы в дорогу совсем уж закончены. Миронег крепко спал, привалившись одним боком к тёплому телу верблюда, а с другой стороны подпираемый грозным Олегом. Тепло и уютно в степи даже зимой, если под боком верные друзья!

Твердята глянул на Тат. Та полулежала у костра. Глаза её были прикрыты, но она не спала.

– Я провожу тебя в русское княжество, которое вы называете Тмутаракань, если ты того желаешь, – проговорила она. – Если захочешь вернуться в Новгород – пойду за тобой и туда.

Ровный красноватый свет тлеющего кизяка освещал её лицо. Грудь её сплошь покрывали ожерелья – медные дукаты, густо нанизанные на витые кожаные шнуры, испещрённые странными рисунками кругляши из обожженной глины, нашитые тут и там на безрукавом кожаном. Голову и шею скрывала всё та же шаль цвета сохлой травы. Вот женщина поднялась. Движения её были всё так же стремительны и точны. Тат приблизилась к Твердыте с большим кованым казаном, установила этот сосуд над костром на треножной подставке, добавила воды из бурдюка. Воздух тут же наполнился травяным, пьянящим ароматом. Тат достала из тороков каменные ступку и пест. Ни слова не говоря, она принялась толочь и растирать мелкие чёрные семена. Твердыта уже знал: она готовит для него зелье, чтобы он мог крепко уснуть. Небо на закате багровело. Горизонт ясно обозначился изломанной чёрной линией. Твердыта смотрел туда, слушал, как пестик водит, шурша, по стенкам каменной ступки.

Тат заговорила тихо, и голос её был подобен шипению угасающего пламени:

– Я выкупила тебя у отца. Хорошую цену дала.

– Неужто! Во что же хан Кочка оценил мою жизнь?

– Двух лучших жеребцов отдала. Жаль, ты не видел моих каурых. Это хорошая цена за такого, как ты.

– Я без Миронегга не уйду, – мрачно прошипел Твердыта. – Мне и не нужно уж ничего в этом мире... тем более, его предав!

– И Бог твой не нужен? – Тат вскинула на него глаза, лишь на миг перестав орудовать пестиком.

– Как же без Бога... – вздохнул Твердыта. – Пусть Он меня оставил, но так я-то Его не оставлю.

Глаза Деяна снова наполнились слезами. Заметив это, Тат заговорила громко, торопливо. Твердыте стало трудно разбирать слова. Он напряжённо вслушивался в речь Тат, забыв на время о своей беде.

– За Аппо отдала непутёвую кобылицу, поджеребчика и кибитку, – тараторила Тат. – Кибитка хороша. Но я рассчитываю получить новую, когда дружина моего брата вернётся из набега. Я продам ему трёх хороших коней. Ты не смотри, что они такие коротконогие! Зато они выносливы и привыкли скакать по высокой траве. Они привыкли к жизни в степи и заранее чуют сусличьи норы.

– С чем же осталась? – ехидно поинтересовался Твердыта.

– Дюжина верблюдиц, два раза по семь верблюдов, две сотни овец, вола, два мула. – Тат как ни в чем не бывало перечисляла свое имущество, не обращая внимания на насмешку Твердыты. – Это приданое дочерей. Его не отдам ни за что.

– Ты богата? – Твердыта неотрывно смотрел на её испещрённое шрамами лицо, силясь поймать взгляд фиалковых глаз.

– Я – старшая из дочерей хана...

– Но твой муж...

Она издала едва уловимый стрекочущий звук, похожий на пение той из степных птиц, что строит свои гнезда в высоком разнотравье. На зов из ночи явилась её пегая лошадь. Тат поднялась, что-то поискала в тороках, потом принялась расседлывать и стреноживать скотинку. Олег не сводил с неё ореховых глаз. Она разостлала кошму по ту сторону кострища, положила в изголовье седло, размотала и расправила шаль. Колокольчики в её косах, дукаты на её шее, бубенцы на её сапогах – всё издавало мелодичный перезвон. Твердыта заметил среди её вещей круглый кусок отполированного железа, который Тат хранила обёрнутым в войлок.

– Чем же я расплачусь с тобой? – спросил Твердыта. – Ведь я ныне нищ. И дочери твои, юные девицы, в ужасе отвели очи от моего лица.

Она быстро извлекла отполированный кусок железа из его вместилища, подала Твердыте, и тот впервые за много месяцев увидел в нём своё неясное отражение.

– Что за девичьи премудрости! Отдай дочерям... – он хотел было бросить зеркало в траву.

Тогда Тат зажгла факел, стала сбоку так, чтобы Твердыта мог видеть своё лицо, и Твердыта увидел беловолосого человека с изуродованными, будто изорванными, губами и свёрнутым носом. От удара палицы на лице частью содрало кожу, и затягивающаяся рана, покрытая коричневой коростой, казалась боком трухлявого пня. Борода на той части щеки так и не выросла. В красноватом свете пламени собственное лицо казалось Твердыте загорелым дочерна. Молодая ярко-розовая кожа, выглядывавшая из-под коросты, по сравнению с загаром казалась светлой. Волосы на голове отросли, отчасти скрыв следы увечий на лбу. Твердыта изумился, заметив, что и борода его, и волосы, и брови стали совершенно белы. Он сделался сед, как лунь.

– Я страшен! Я болен! Я стар! – зеркало с глухим стуком упало в траву.

– Ты беловолос, но ты не стар, и ты не болен, – холодно сказала Тат. – Буга исправил тебе свёрнутую челюсть, умело менял повязки, поэтому твои раны заживут хорошо. Ты сохранил разум, память и веру. Что ещё нужно человеку?

Зачем Твердыта тратит последние силы, удерживая в глазах злые слезы? В последние месяцы он так часто плакал, что вряд ли уж мог называться мужчиной!

– Ты всё реже плачешь... – усмехнулась Тат. – На мой взгляд – так лучше.

Она с обычной своей невозмутимостью прямо смотрела в его лицо.

– Там, в городе русичей ты показался мне слишком уж смазливый, на женщину похожим, только с бородой. А сейчас, украшенный шрамами, ты намного красивей.

– Я лишился всего!..

– Там, в городе русичей, ты показался мне слишком уж кичлив и горд. Зачем человеку столько добра? Вот теперь его нет у тебя, а ты всё ещё жив. Значит, для жизни оно и не нужно.

– Я задолжал дружине...

– Она пала в бою...

– Я задолжал товарищам – купцам, и мне нечем отдать долга!

– Ты затерялся в степях. Товарищи-купцы далеко!

– Моя невеста...

– Минуло много зим с тех пор, как ты видел её в последний раз. Луна десять раз прошла по небу с тех пор, как предательство выкинуло тебя из мира, и моё племя, отдавая долг, помогло тебе родиться заново.

– Долги отданы?

– Я останусь с тобой до конца, как и обещала.

* * *

Они удалялись от моря воды, чтобы затеряться в море трав: двое всадников, вереница верблюдов и большая собака. С виду всё как обычно в этих местах: мирные торговцы, небогатые люди бредут за своею нехитрой надобой. Твердыта не один раз обернулся, чтобы ещё раз увидеть дочерей Тат: Степь, Доблесть, Мёд и младшую – Кучуг. Наконец девушек скрыл утренний туман. Путники шли по бездорожью. Тат уверенно выбирала путь по одной лишь ей известным приметам. Мир снова стал бескрайним. В нём было всё, что нужно человеку: глубокое небо над головой, шуршание травы под копытами животных, бесконечные песни Буги, вольный трепет крыл и крики сокола Тат.

Часть вторая

– До меня дошли слухи... – произнес Феоктист и надолго умолк.

Иегуда успел выйти в сад, отыскать и растолкать сонного служителя, отдать необходимые распоряжения относительно особого розового сладкого вина, того самого вина, которое Амирам Лигуриец привёз минувшей весной и которое так понравилось Иегуде. Цуриэль, охая, спустился в прохладное чрево погреба.

– Да поторопись, ленивый жид! – каркнул Иегуда в тёмный зев погреба.

– От жида слышу! – был ответ. – Старый Цуриэль знает мысли простака Иегуды! Иегуда думает, что, нацепив золотые поножи и браслеты, навесив на шею золотые цепи, унижав пальцы самоцветными кольцами и увенчав башку диадемой, он стал милее Богу...

– Поторопись! – Иегуда сел на скамью возле лаза в погреб. Он знал: старый Цуриэль не отпустит его подобру, пока не выскажет всё, что собрался сказать.

– ...Горделивый Иегуда полагает, – доносилось из темноты погреба, – что, покрыв тело заморскими шелками, он так спрячет свой позор, что тот станет совсем уж незначительным. Ведь люди видят драгоценный шелк, не видят скрываемый им позор!

– Вина в тех кувшинах, что покрыты красной глазурью. Не перепутай, Цуриэль! – напомнил Иегуда.

– «Не перепутай» учит молодой еврей старого, – голос, звучавший поначалу глухо, сделался теперь звонким, тёмный провал погреба осветился колеблющимся огоньком лучины.

Наконец на поверхность земли высунулась костлявая, смуглая, покрытая коричневыми старческими пятнами рука, более походившая на лапу огромной птицы, чем на часть тела человека. Рука с необычайной лёгкостью поставила на землю рядом с Иегудой большой, плотно закрытый и опечатанный кувшин. Иегуда проворно подхватил его и поспешил к дому, а из подземелья лезла горбатая фигура в огромном белом тюрбане и просторном балахоне из обычной неокрашенной холстины. Лицо старого Цуриэля украшала длинная кучерявая с частой проседью борода, из-под тюрбана, по обе стороны узкого смуглого лица, вились тугие пряди.

Цуриэль опустил дверь погреба, навесил на петли тяжёлый замок. Достав из складок одежды увесистую связку ключей, старик долго перебирал их, беззвучно шлёпая губами, пока наконец не нашёл нужный. Цуриэль запер замок и, тяжело ступая, потащился под сень ореха, к каменной скамье. Там он расположился на ковровых подушках со всем возможным удобством. Большие листья ореха бросали на его смуглое лицо густую тень. Орех, ещё более старый, чем сам Цуриэль, закрывал своей широкой кроной всё пространство внутреннего двора Иегуды Хазарина, слывшего в Тмутаракани первым богачом.

Сам Иегуда злился, когда чужие люди или земляки пытались счесть его богатства, шипел, подобно степной гадюке, бранился, ссылаясь на вопиющую бедность. Но старый Цуриэль знал: можно пересечь Русское море вдоль и поперёк, можно взобраться на каждый прибрежный утёс, можно обыскать тайные казематы, вырубленные в скалах, можно разобрать на камушки и Херсонес, и остальные-прочие крепости, что вздымают стены над тёмными водами моря – многое возможно совершить, но нигде вы не найдёте человека более надежного в денежных делах, более добросовестного в изучении Торы, более искреннего в неизбывной набожности, чем Иегуда Хазарин. Правда, падох воспитанник старого Цуриэля на изысканные яства и породистых коней. Да и до женщин очень уж охоч. Податлив на греховную красоту. Мало ему было одной жены! Цуриэль горестно вздохнул, разглядывая шедшую через двор женщину. Груды, руки, лодыжки, золотистые локоны – всё выставила напоказ Вельвела. До полудня принимает ванну, а потом до заката, знай себе, бренчит на кифаре. Вот и сейчас она направляется в термы для омовения. И это в то время, когда приличные люди приступают к праведным трудам! Вокруг Вельвелы вьется рой прислужниц – одна другой краше. Вот они шествуют за ней

через двор. Неприкрытые, неприлично весёлые, дородные. Рот Цуриэля наполнился слюной, но осквернять плевком камни хозяйского двора он не стал.

Жирный хрыч, умудрённый дьяволом грек Феоктист называет таких женщин гетерами. Но Цуриэль тоже не вчера на белый свет рожден. Притом рожден не кем-нибудь, а приличной женой-иудейкой. А потому Цуриэль знает, что гетеры живут в специальных домах, отдельно от посещающих их мужчин. А в приличные семейные дома такие женщины не лезут. Но эта сумела-таки проникнуть. И имя-то у неё препоганейшее – Вельвела! Где же это видано, чтобы приличная женщина так именовалась! К лицу ли богобоязненному человеку держать в доме кроме прочих ещё и такую женщину?

Чем больше сидел Цуриэль без дела, тем сильнее бурлила в нём желчь. Розоватые лепестки цветущего ореха сплошным покровом легли на его тюрбан, но под тюрбаном в плешивом, покрытом потемневшей пергаментной кожей черепае бушевала буря.

– Я должен отправиться к рабби Гершелю...

– Рабби Гершель не примет тебя, желчный старик, – не оборачиваясь, проговорила женщина.

– О чём ты толкуешь, блудница?

Женщина обернулась. Полуденное солнце разогрело каменные плиты, которыми был вымощен двор. Старик Цуриэль встал и теперь переминался с ноги на ногу, даже подпрыгивал, словно камни уже стали слишком горячи и обжигали его босые ступни.

– Рабби Гершель занят, – продолжала женщина, не обращая внимания на ругань старого служителя. – Русские витязи бесчинствуют в городе. Вчера кто-то из них опоганил синагогу, и рабби с утра отправился в княжеский дом. Надеется лицезреть высокородного князя Давыда.

– Ах! Что же делать?

Старик отряхнул с тюрбана лепестки орехового цветения и отправился в дом. Он брёл, неслышно ступая по устланным циновками полам в большую комнату, служившую Иегуде для приёма важных гостей.

Смолоду был Иегуда скромнен. Как положено честному иудею, свято чтит субботу, жил скромно и сытно, Богом дарованное на показ не выставляя. И всё шло своим чередом, пока не связался Иегуда с тщеславными русскими князьями и любострастными греками. Тут-то и начались безобразия. Иегуда, скромный и обязательный в своей набожности, начал рядиться в шелка и бархаты, увешивать брненное тело блестящими цацками, пристрастился к свирепым жеребцам и любострастным бабам! И это – добродетельный мальчик, привыкший смолоду перемещаться или в носилках, или, если уж не находилось другого выхода, водружался на спину смиренного лошака. Ах, милый мальчик, лишившийся невинности в законном браке, не читавший иных книг, кроме Торы, не знавший иного промысла, кроме честной торговли, ныне тонет в показной роскоши! О, как давно это содеялось! Ещё до злосчастливого знакомства с Рюриковичами и их чубатыми воеводами. Иегуда жил скромно, ничем не выделяясь из иудейской общины города. Ну, разве что имел собственную баню, хотя и посещал регулярно общественные термы, устроенные в Тмутаракани ещё приснопамятным князем Мстиславом Владимировичем по образцу Константиновых бань. Но после того как северяне превратили место омовения в грязнейший вертеп пьянства и распутства, Иегуда – слава Всевышнему! – перестал их посещать. Но северный разврат тем не менее поразил его своими язвами. Несметные сокровища потратил Иегуда, чтобы выстроить самый большой в городе дом с большим погребом и садом, а также с упомянутой уже баней. Всё обнесено высокой оградой. Вход в дом преграждают большие чугунные ворота, цена которым – целое состояние. При воротах стоит страж с пикой и огромный цепной пес – вот уж истинно мерзкая тварь! – свирепой северной породы. Хоромы огромные, всем на зависть – с портиком, с пышной колоннадой, с внутренним двором, вымощенным разноцветным камнем. Посреди двора шелестит густой листвой крона старого ореха и испускает прохладные струи фонтан. Виданное ли дело! В мраморный бассейн

изливает из кувшина благодатную же влагу мраморный же, голый, не обрезанный, богопротивный грек. Вспомняв о фонтане, а заодно и о любострастной Вельвеле, старик не выдержал, сплюнул в кулак. Путь по коридорам и галереям Иегудина дома казался Цуриэлю нестерпимо длинным. Одно лишь утешало: тучный грек Феоктист проделал более долгий путь. Прежде чем попасть под мраморные своды дома Иегуды, он прошёл через необъятный сад, поднялся по лестнице – вот нестерпимая мука! – и наконец улёгся на кушетке в полутёмном зале – вот за этой вот, расписанной багровыми и синими красками дверью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.